Позитивная школа криминологии. Три лекции, прочитанные в университете Неаполя, Италия, 22, 23 и 24 апреля 1901 года

Энрико Ферри

The Project Gutenberg eBook of The Positive School of Criminology.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Позитивная школа криминологии

Автор: Энрико Ферри

Дата выхода: 1 января 2004 [eBook #10580]
Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Afra Ullah и PG Distributed Proofreaders

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE POSITIVE SCHOOL OF CRIMINOLOGY ***

Позитивная школа криминологии

Три лекции , прочитанные в университете Неаполя, Италия, 22, 23 и 24 апреля 1901 года

Энрико Ферри

Перевод Эрнеста Унтерманна

Чикаго

Чарльз Х. Керр и компания 1908

I.

Мои друзья:

Когда несколько месяцев назад, в суматохе своих повседневных занятий, я получил приглашение от нескольких сотен студентов этого знаменитого университета изложить им в коротких специальных лекциях основные и фундаментальные выводы криминальной социологии, я с радостью принял его, потому что это приглашение совпадало с двумя моими идеалами. Эти два идеала будоражат мое сердце и являются секретом моей жизни. Во-первых, это приглашение совпало с идеалом моей личной жизни, а именно: распространять и пропагандировать среди моих братьев научные идеи, которые мой мозг накопил не благодаря каким-либо моим заслугам, а благодаря счастливому выигрышу, унаследованному

от моей матери в лотерее жизни. И второй идеал, который это приглашение вызвало в моем сознании, был следующим: Идеал молодых людей Италии, объединенных моральными и интеллектуальными устремлениями, чувствующих в своей общественной жизни отблеск великой цели. Неважно, будет ли эта цель совпадать с моими собственными идеями или противостоять им, лишь бы это был идеал, который вырвет стремления молодых людей из роковой хватки эгоистических интересов. Конечно, мы, позитивисты, хорошо знаем, что материальные требования жизни формируют и определяют также моральные и интеллектуальные цели человеческого сознания. Но позитивная наука объявляет непременным условием возрождения человеческих идеалов следующее: Без идеала не может жить ни отдельный человек, ни коллектив, без него человечество мертво или умирает. Ведь именно огонь идеала делает жизнь каждого из нас возможной, полезной и плодотворной. И только с его помощью каждый из нас за более или менее короткий срок своего существования может оставить после себя следы на благо ближних. Приглашение, направленное мне, доказывает, что студенты Неаполя верят в вдохновляющее существование такого идеала науки и стремятся узнать больше об идеях, которыми занят весь современный мир и чье живительное дыхание проникает даже через окна сухих залов суда, когда их двери закрыты от него.

Поговорим теперь об этой новой науке, которая стала известна в Италии под именем позитивной школы криминологии. Эту науку, как и любое другое явление научной эволюции, нельзя недальновидно или самонадеянно приписывать произвольной инициативе того или иного мыслителя, того или иного ученого. Скорее, мы должны рассматривать его как естественный продукт, необходимое явление в развитии того печального и мрачного отдела науки, который занимается болезнью преступности. Именно эта чума преступности составляет такой мрачный и болезненный контраст с великолепием современной цивилизации. XIX век одержал великую победу над смертностью и инфекционными заболеваниями благодаря мастерскому прогрессу физиологии и естественных наук. Но в то время как инфекционные заболевания постепенно уменьшаются, мы видим, что, напротив, моральные болезни становятся все более многочисленными в нашей так называемой цивилизации. В то время как брюшной тиф, оспа, холера и дифтерия отступают перед средствами, которые просвещенная наука применяет с помощью экспериментального метода, устраняя их конкретные причины, мы видим, что, напротив, безумие, самоубийство и преступность, эта болезненная троица, стремительно растут. И это делает совершенно очевидным, что наука, которая в основном, если не исключительно, занимается изучением этих явлений социальной болезни, должна чувствовать необходимость найти более точный диагноз этих моральных болезней общества, чтобы прийти к какому-то эффективному и более гуманному средству, которое должно более победоносно бороться с этой мрачной троицей безумия, самоубийства и преступности.

Наука позитивной криминологии возникла в последней четверти XIX века как результат этого странного контраста, который был бы необъясним, если бы мы не могли обнаружить исторические и научные причины его существования. И это действительно странный контраст, когда Италия должна была прийти к совершенному теоретическому развитию классической школы криминологии, а с другой стороны, сохраняется позорное состояние, когда преступность принимает размеры, никогда ранее не наблюдавшиеся в этой стране, так что наука криминология не может остановить прилив преступности в высших и низших кругах. Именно по этой причине позитивная школа криминологии возникает в силу самой природы вещей, как и любое другое направление науки. Она основана на условиях нашей

повседневной жизни. С нашей стороны было бы самонадеянностью утверждать, что мы, стоящие у истоков этой новой науки и ее новых выводов, одни заслуживаем благодарности за ее существование. Мозг ученого - это скорее своего рода электрический аккумулятор, который чувствует и усваивает вибрации и сердцебиения жизни, ее блеск и ее позор, и извлекает из этого убеждение, что он должен обязательно обеспечить определенные социальные потребности. И с другой стороны, было бы свидетельством интеллектуальной близорукости со стороны позитивистского человека науки, если бы он не признавал исторических достижений, которые его предшественники на ниве науки оставили после себя как неизгладимые следы своей борьбы с неизвестным в этой блестящей и утомительной области. Именно поэтому приверженцы позитивной школы криминологии испытывают самое искреннее почтение к классической школе криминологии. И сегодня, принимая приглашение студентов Неаполя, я рад сказать, что это еще одна причина, по которой их приглашение было для меня желанным. Прошло уже 16 лет с тех пор, как я прочитал в этом же зале лекцию о позитивной криминологии, которая тогда находилась на начальном этапе своего развития. Это было в 1885 году, когда я имел возможность изложить первые принципы позитивной школы криминологии по приглашению других студентов, которые предшествовали вам на периодических волнах интеллектуальных поколений. И возобновление этой возможности доставило мне такое моральное удовлетворение, что я ни при каких обстоятельствах не мог отказаться от вашего приглашения. Кроме того, неаполитанский Атенеум поддерживал репутацию итальянского ума в XIX веке и в той науке, которую даже иностранные ученые признают нашей специализацией, а именно в науке криминологии. В самом деле, если не считать двух ужасных книг Дигест и практических криминологов Средневековья, продолжавших изучение преступности, то современный мир открыл славную страницу в развитии криминологии скромной книгой Чезаре Беккариа. Этот прогресс ведет от Чезаре Беккариа, через Франческо Каррара, к Энрико Пессине.

Из двух гигантов, завершивших цикл классической школы криминологии, остался один Энрико Пессина. В ясный момент своего научного сознания, которое вскоре вернулось к старым абстрактным и метафизическим теориям, он объявил во вступительном слове в 1879 году, что уголовная юстиция должна омолодиться в чистой ванне естественных наук и заменить абстракции живым и конкретным изучением фактов. Естественно, каждый ученый имеет свою функцию и историческое значение; и мы не можем ожидать, что мозг, который подошел к концу своей карьеры, должен повернуться в новом направлении. Во всяком случае, знаменательно, что этот самый известный представитель классической школы криминологии должен был указать на необходимость своей особой науки в том же Неаполитанском университете, через год после открытия позитивной школы криминологии, что он должен был с нетерпением ждать того времени, когда изучение естественных и позитивных фактов поставит крест на старых юридических абстракциях. И есть еще один прецедент в истории этого университета, который делает научную пропаганду в этом месте очень приятной для позитивиста. Дело в том, что за шесть лет до этого вступительного слова Пессины Джованни Бовио читал в этом университете лекции, которые позже опубликовал под названием "Критическое исследование уголовного права". Джованни Бовио выполнил в этой монографии функцию критика, но историческое время, в котором он размышлял, не позволило ему принять участие в строительстве новой науки. Однако он подготовил почву для новых идей, указав на все прорехи и слабые места старого здания. Бовио утверждал то, что уже утверждали Джоберти, Эллеро, Конфорти, Тиссоль, а именно, что невозможно решить проблему, которая до сих пор является теоретической основой классической школы криминологии, - проблему соотношения наказания и преступления. Ни один человек, ни один ученый, ни один законодатель, ни один судья никогда не мог указать на какой-либо абсолютный стандарт, который позволил бы нам сказать, что справедливость требует

определенного наказания за определенное преступление. Мы можем найти некую оппортунистическую целесообразность, но не решение проблемы. Конечно, если бы мы могли определить, какое преступление является самым тяжким, то мы могли бы также определить самое суровое наказание и сформулировать нисходящую шкалу, которая установила бы относительное соответствие пропорций между преступлением и наказанием. Если мы согласны, что отцеубийство - самое тяжкое преступление, мы определяем самый суровый приговор - смерть или пожизненное заключение, и тогда мы можем договориться о нисходящей шкале преступлений и о параллельной шкале наказаний. Но проблема начинается прямо с первого камня конструкции, а не с последующих ступеней. Какое самое большое наказание соразмерно преступлению отцеубийства? Ни наука, ни законодательство, ни моральное сознание не могут предложить абсолютного стандарта. Некоторые говорят: Наибольшее наказание - смерть. Другие говорят: Нет, пожизненное заключение. Другие говорят: Ни смерть, ни пожизненное заключение, а только лишение свободы на время. И если тюремное заключение на время должно быть высшей мерой наказания, то сколько лет оно должно длиться - тридцать, или двадцать пять, или десять?

Никто не может установить абсолютный стандарт в этом вопросе. Таким образом, Джованни Бовио пришел к выводу, что это внутреннее противоречие в науке криминологии - неизбежная судьба человеческого правосудия, и что это правосудие, борясь с этим внутренним противоречием, должно обратиться к гражданскому праву и просить помощи в его слабости. Эта же мысль уже была озарена лучом светлого ума Филанджиери, который умер слишком рано. Из этого факта можно вывести историческое правило, что самые варварские условия жизни человечества свидетельствуют о преобладании уголовного кодекса, который карает без лечения, и что постепенный прогресс цивилизации приведет к появлению противоположной концепции - лечения без наказания.

Так случилось, что в Неаполитанском университете, в котором прославленный представитель классической школы криминологии осознал необходимость ее возрождения и в котором Бовио предвидел ее бесплодие, сейчас работают молодые преподаватели, поддерживающие огонь позитивистской тенденции в криминологии, такие как Пента, Цуккарелли и другие, которых вы знаете. Тем не менее я чувствую, что этому факультету юриспруденции все еще не хватает кислорода в изучении уголовного права, потому что его мысль все еще находится под влиянием непреодолимого авторитета имени Энрико Пессины. И легко понять, что там, где величественное дерево раскинуло свои ветви к голубому своду, молодое растение чувствует себя лишенным света и воздуха, в то время как в другом месте оно могло бы вырасти сильным и красивым.

Итак, позитивная школа криминологии родилась в нашей Италии благодаря необычному влечению итальянского ума к изучению криминологии; ее рождение также обусловлено особым состоянием нашей страны с ее огромным и странным контрастом между теоретическими доктринами и болезненным фактом постоянно растущей преступности.

Позитивная школа криминологии была открыта работами Чезаре Ломброзо в 1872 году. С 1872 по 1876 год он открыл новый путь для изучения преступности, продемонстрировав на собственном примере, что мы должны сначала понять преступника, который совершает преступления, прежде чем сможем изучить и понять его преступление. Ломброзо изучал заключенных в различных пенитенциарных учреждениях Италии с точки зрения антропологии. Свои исследования он собрал в отчетах Ломбардского института науки и литературы, а позже опубликовал их вместе в своей работе "Преступный человек". Первое издание этого труда (1876) осталось почти незамеченным, то ли потому, что его научный материал был скуден, то ли потому, что Чезаре Ломброзо еще не сделал никаких общих

научных выводов, которые могли бы привлечь внимание мира науки и права. Но одновременно со вторым изданием (1878) появились две монографии, которые составили зародыш новой школы, дополнив антропологические исследования Ломброзо выводами и систематизациями с точки зрения социологии и права. Раффаэле Гарофало опубликовал в "Неаполитанском журнале философии и литературы" эссе о преступности, в котором заявил, что опасность преступника - это критерий, по которому общество должно оценивать функцию своей защиты от болезни преступности. И в том же 1878 году я воспользовался случаем, чтобы опубликовать монографию об отрицании свободы воли и личной ответственности, в которой откровенно заявил, что отныне наука о преступлении и наказании должна искать фундаментальные факты науки о социальной защите от преступности в самом человеке и социальной жизни. Одновременная публикация этих трех монографий вызвала большой резонанс. Преподаватели классической криминологии, которые с пониманием отнеслись к рекомендациям Пессины и Эллеро, призывавшим их изучать естественные источники преступности, с презрением встретили новые идеи, когда новые методы совершили решительный и радикальный отход, и стали не только критиками, но и ревностными противниками новых теорий. И это легко понять. Ведь борьба за существование - непреодолимый закон природы, как и для тысяч зародышей, разбросанных дубом по ветру, так и для идей, прорастающих в мозгу человека. Но гонения, клевета, критика и противодействие бессильны против идеи, если она несет в себе зародыш истины. Более того, мы должны рассматривать этот феномен отвращения среднего интеллекта (будь то обычный человек или ученый) ко всем новым идеям как естественную функцию. Ведь когда мозг какого-то человека почувствовал свет новой идеи, насмешливая критика служит для него ориентиром. Если идея ошибочна, она отойдет на задворки; если же она верна, то критика, оппозиция и преследования извлекут золотое зерно из неприглядной оболочки, и идея победоносно шествует над всем и всеми. Так происходит во всех сферах жизни - в искусстве, в политике, в науке. Каждая новая идея естественно и неизбежно вызывает противодействие привычных мыслей. Это настолько верно, что когда Чезаре Беккариа открыл великий исторический цикл классической школы криминологии, он подвергся нападкам критиков своего времени с теми же обвинениями, которые были выдвинуты против нас столетие спустя.

Когда Чезаре Беккариа в 1774 году напечатал свою книгу о преступлениях и наказаниях под ложной датой и местом издания, отражая чаяния, порожденные надвигающимся ураганом французской революции; когда он бросился против всего варварского в средневековых законах и вызвал бурю энтузиазма среди энциклопедистов и даже некоторых членов правительства во Франции, он был встречен волной оппозиции, клеветы и обвинений со стороны большинства юристов, судей и светил философии. Абби Жачинчи опубликовал четыре тома против Беккариа, назвав его разрушителем справедливости и морали только за то, что он боролся с пытками и смертной казнью.

Пытки, которые мы ошибочно приписываем психической жестокости судей того времени, были лишь логическим следствием современных теорий. Считалось, что для того, чтобы осудить человека, нужно быть уверенным в его виновности, и говорилось, что лучшим средством получения этой уверенности, царицы доказательств, является признание преступника. И если преступник отрицал свою вину, приходилось прибегать к пыткам, чтобы заставить его признаться, от которого он уклонялся из страха перед наказанием. Пытки успокаивали, так сказать, совесть судьи, который был волен осудить, как только добьется признания. Чезаре Беккариа вместе с другими выступил против пыток. Тогда судьи и юристы заявили, что уголовное правосудие невозможно, поскольку оно не сможет получить никакой информации, так как человек, подозреваемый в преступлении, не признается в своей вине

добровольно. Поэтому они обвинили Беккариа в том, что он защищает грабителей и убийц, поскольку хотел отменить единственное средство принуждения их к признанию - пытку. Но на стороне Чезаре Беккариа была магическая сила правды. Он был поистине электрическим аккумулятором своего времени, собравшим из его атмосферы предвестие грядущей революции, возбуждение человеческой совести. Подобную иллюстрацию можно найти в работах Дакина в Савойе, Пинеля во Франции и Хач Таке в Англии, которые стремились произвести революцию в лечении душевнобольных. Этот эпизод нас особенно интересует, потому что он является прекрасной иллюстрацией пути, пройденного позитивной школой криминологии. Невменяемые также считались виновными в своем безумии. На заре XIX века врач Эрнрот еще писал, что безумие - это моральный грех умалишенных, потому что "никто не становится безумным, если он не оставляет прямой путь добродетели и страха Господня".

И исходя из этого предположения, безумцев запирали в ужасных темницах, нагружали цепями, пытали и били, ибо в их безумии была их собственная вина.

В тот период Пинель выдвинул революционную идею о том, что безумие - это не грех, а болезнь, как и все остальные заболевания. Сейчас эта идея является обыденной, но в его время она произвела революцию. Казалось, что это нововведение, открытое Пинелем, перевернет мир и основы общества. За два года до штурма Бастилии Пинель вошел в санаторий Сальпетриер и совершил смелый поступок - освободил безумцев от тяготивших их цепей. Он продемонстрировал на практике, что безумцы, освободившись от цепей, становятся спокойнее, а не создают дикие беспорядки и разрушения. Эта великая революция, совершенная Пинелем, Кьяруги и другими, изменила отношение общества к душевнобольным. Если раньше безумие считалось моральным грехом, то благодаря просветительской работе науки общественное сознание отныне должно было приспособиться к истине, что безумие - это такая же болезнь, как и все остальные, что человек становится безумным не потому, что хочет этого, а в результате наследственной передачи и влияния среды, в которой он живет, будучи предрасположенным к безумию и становясь безумным под давлением обстоятельств.

Позитивная школа криминологии совершила такой же переворот во взглядах на обращение с преступниками, какой вышеупомянутые ученые совершили в обращении с умалишенными. Общее мнение классических криминалистов и людей в целом заключается в том, что преступление подразумевает моральную вину, поскольку оно обусловлено свободной волей человека, который оставляет путь добродетели и выбирает путь преступления, и поэтому оно должно быть подавлено путем соразмерного наказания. Такова по сей день современная концепция преступности. А иллюзия свободной человеческой воли (единственный чудесный фактор в вечном океане причин и следствий) приводит к предположению, что человек может свободно выбирать между добродетелью и пороком. Как можно все еще верить в существование свободной воли, когда современная психология, вооруженная всеми инструментами позитивных современных исследований, отрицает существование свободной воли и демонстрирует, что каждый поступок человека является результатом взаимодействия между личностью и окружающей средой человека?

И как можно держаться за устаревшую идею моральной вины, согласно которой каждый человек якобы имеет свободный выбор отказаться от добродетели и предаться преступлению? Позитивная школа криминологии утверждает, напротив, что не преступник желает; для того чтобы стать преступником, необходимо, чтобы человек постоянно или преходяще оказывался в таких личных, физических и нравственных условиях и жил в такой среде, которые становятся для него цепью причин и следствий, внешних и внутренних, располагающих его к преступлению. Таков наш вывод, который я предвосхищаю, и он

представляет собой совершенно иной и противоположный метод, которым пользуется позитивная школа криминологии по сравнению с ведущим принципом классической школы криминальной науки.

В этом методе, в этом важнейшем принципе позитивной школы криминологии, вы найдете еще одну причину кажущегося медленного продвижения этой школы. Это очень естественно. Если вы рассмотрите великую реформу, проведенную идеями Чезаре Беккариа в уголовной юстиции Средневековья, то увидите, что великая классическая школа представляет собой лишь небольшой шаг вперед, потому что она оставляет уголовную юстицию на той же теоретической и практической основе, которую она имела в Средние века и в классической античности, то есть на основе идеи моральной ответственности индивида. Для Беккариа, Каррара, их предшественников эта идея не больше и не меньше, чем та, о которой говорится в книгах 47 и 48 "Дигест": "Преступник подлежит наказанию в той мере, в какой он морально виновен в совершенном им преступлении". Таким образом, вся классическая школа представляет собой не что иное, как серию реформ. В некоторых странах была отменена смертная казнь, а также пытки, конфискация, телесные наказания. Но, тем не менее, огромное научное движение классической школы осталось всего лишь реформой.

В XIX веке она продолжала смотреть на преступление так же, как и в Средние века: "Тот, кто совершает убийство или кражу, только сам решает, хочет он совершить преступление или нет". Это остается основой классической школы криминологии. Это объясняет, почему она смогла пройти свой путь быстрее, чем позитивная школа криминологии. И все же прошло полвека со времен Беккариа, прежде чем в уголовных кодексах появились признаки реформаторского влияния классической школы криминологии. Таким образом, потребовалось немало времени, чтобы утвердить ее настолько, чтобы она стала общепризнанной, как это происходит сегодня. Позитивная школа криминологии зародилась в 1878 году, и хотя она выступает не за простую реформу методов уголовного правосудия, а за полное и коренное преобразование самого уголовного правосудия, она уже прошла довольно большой путь и сделала значительные завоевания, которые начинают проявляться и в нашей стране. Так, действующий в нашей стране Уголовный кодекс представляет собой компромисс, в том что касается теории личной ответственности, между старой теорией свободы воли и выводами позитивной школы, отрицающей эту свободу воли.

Вы можете найти иллюстрацию этого в красноречивых измышлениях призрачной логики в эссе об уголовном кодексе, написанном великим сторонником классической школы криминологии Марио Пагано, этим восхитительным типом ученого и патриота, который не замыкается в тихом эгоизме своего исследования, но чувствует, как идеал его времени будоражит его, и отдает ему свою жизнь. Он написал три строчки, простые и обнажающие многое: "Человек ответственен за преступления, которые он совершает; если при совершении преступления его воля свободна наполовину, он ответственен на половину; если на треть, он ответственен на треть". Вот вам бескомпромиссная и абсолютная классическая теорема. Но в Уголовном кодексе 1890 года вы найдете, что знаменитая статья 45 предусматривает ответственность за преступление на основе простой воли, исключая свободную волю. Однако итальянский судья продолжает основывать уголовное правосудие на предполагаемом существовании свободной воли и делает вид, что не знает о том, что число ученых, отрицающих свободу воли, постоянно растет. Как же получается, что такая страшная должность, как вынесение приговоров преступникам, сохраняет свою стабильность или колеблется в зависимости от того, лишает ли первый, кто отрицает существование свободной воли, эту функцию ее основы?

Воистину, говорят, что этот вопрос оказался слишком сложным для нового итальянского уголовного кодекса. И по этой причине было решено, что ответственность за преступление лучше всего основывать на идее, что человек виновен только потому, что он хотел совершить преступление; и что он не несет ответственности, если он не хотел его совершать. Но это эклектический выход из затруднения, который ничего не решает, так как в том же кодексе есть правило, что невольные преступники также наказываются, так что невольные убийства и ранения наказываются тюремным заключением так же, как и добровольные деяния такого рода. Мы слышали, как в таких случаях говорят, что результат, возможно, и не был запланирован, но действие, приведшее к нему, было таковым. Если охотник стреляет через живую изгородь и убивает или ранит человека, он не собирался убивать, и все же он несет ответственность, потому что его первый поступок, выстрел, был добровольным.

Это утверждение применимо к недобровольным преступлениям, которые совершаются посредством какого-то позитивного действия. Но как быть с невольными преступлениями бездействия? На железнодорожной станции, где движение поездов представляет собой ежедневный водоворот движения людей, вещей и идей, каждый переключатель - это тонкий инструмент, который может привести к срыву. Руководство железной дороги назначает дежурного на этот деликатный пост. Но в минуту усталости, или потому, что ему пришлось работать нечеловечески долго, что истощило все его нервные силы, или по другим причинам, коммутатор забывает установить выключатель и вызывает железнодорожную катастрофу, в которой гибнут и получают ранения люди. Можно ли сказать, что он преднамеренно совершил первый поступок? Конечно, нет, потому что он ничего не замышлял и ничего не делал. Охотник, который стреляет, по крайней мере, имел намерение выстрелить. Но коммутатор не хотел забыть (ведь в этом случае он был бы косвенно виноват); он просто забыл от усталости выполнить свой долг; у него не было никакого намерения, и все же вы считаете его ответственным, несмотря на все это! Фундаментальная логика ваших рассуждений в данном случае соответствует логике вещей. Разве не случается каждый день при отправлении правосудия, что судьи забывают о нейтральной целесообразности законодателя, разработавшего этот относительный прогресс уголовного кодекса, который претендует на то, чтобы основывать ответственность человека на нейтральном и наивном критерии воли без свободы воли? Не следуют ли они в отправлении правосудия своим старым умственным привычкам и не применяют ли устаревший критерий свободы воли, от которого законодатель счел нужным отказаться? Таким образом, в результате этого несовершенного и неискреннего нововведения в уголовном законодательстве мы видим вопиющее противоречие: судьи предполагают существование свободной воли, в то время как законодатель решил, что она не должна предполагаться. Итак, в науке, как и в законодательстве, мы должны следовать прямой и логичной линии, например, классической или позитивной школе криминологии. Но тот, кто считает, что решил проблему, давая нам решение, которое ни рыба ни птица, приходит к самым абсурдным и беззаконным выводам. Вы видите, что происходит каждый день. Если завтра совершается какое-то чудовищное и непонятное преступление, совесть судьи мучается вопросом: Был ли человек, совершивший это преступление, морально свободен в своих действиях или нет? Он может также прибегнуть к помощи законодательства и укрыться в статье 46,[A] или в той компромиссной статье 47,[B] которая допускает ответственность в размере половины или одной трети, и он вынесет решение о наказании в размере половины или одной трети.

Все это может иметь место в случае тяжкого и странного преступления. А с другой стороны, обратитесь в муниципальные или полицейские суды, где волшебный фонарь правосудия бросает свои лучи на безымянных человеческих существ, укравших вязанку дров в суровую зиму или ударивших кого-то по лицу во время драки в салуне. А если найдется адвокат,

который потребует назначения медицинского эксперта, посмотрите, какой прием он получит от судьи. Когда правосудие удивлено чудовищным и странным преступлением, оно чувствует, как сотрясается весь фундамент его помещений, оно на мгновение замирает, призывает на помощь юридическую медицину и размышляет, прежде чем вынести приговор. Но в случае с этими бедными безымянными существами правосудие не останавливается, чтобы подумать, не достоин ли большей жалости тот микроб преступного мира, который ворует под влиянием наследственного или приобретенного вырождения, или в бреду хронического голода. Он скорее отвечает мефистофельской ухмылкой на мольбу о гуманном понимании его дела.

[A] Статья 46: "Человек не подлежит наказанию, если в момент совершения им деяния он находился в психическом состоянии, лишающем его сознания или свободы действий. Но если судья считает опасным оправдать заключенного, он должен передать его на попечение соответствующих властей, которые примут необходимые меры предосторожности."

[B] Статья 47: "Если психическое состояние, упомянутое в предыдущей статье, было таково, что значительно уменьшало ответственность, не устраняя ее полностью, то наказание, назначенное за совершенное преступление, уменьшается по следующим правилам:

"I. Вместо пенитенциарного заключения - лишение свободы на срок не менее шести лет.

"II. Вместо постоянного поражения в гражданских правах - поражение в этих правах на определенный срок.

"III. Если речь идет о наказании свыше двенадцати лет, то оно сокращается от трех до десяти лет; если свыше шести лет, но не более двенадцати, то от одного до пяти лет; в остальных случаях сокращение должно составлять половину обыкновенного наказания.

"IV. Штраф уменьшается до половины.

"V. Если наказание будет означать ограничение личной свободы, судья может определить заключенного в работный дом до тех пор, пока надлежащие власти не заявят о своем несогласии, после чего оставшаяся часть наказания исполняется в обычном порядке".

Правда, время от времени в этих залах правосудия, которые слишком часто остаются закрытыми для живой волны общественных настроений, появляется какой-нибудь более умный и спокойный судья, которого трогает это болезненное понимание реальной человеческой жизни. Тогда он сможет в нелогичных условиях уголовного правосудия, с его компромиссом между строгостью классической и позитивной криминологической школы, искать некое средство, которое вернет ему спокойствие.

В 1832 году во Франции было введено уголовное новшество, которое, казалось бы, представляет собой прогресс в области правосудия, но на самом деле является отказом от него: Убеждение о *смягчающих обстоятельствах*. Судья не спрашивает совета судебного врача в случае с каким-нибудь заблудшим преступником, а осуждает его без единого слова упрека в адрес общества за его соучастие. Но для успокоения собственной совести он предоставляет ему смягчающие обстоятельства, которые кажутся уступкой справедливости, но на самом деле являются ее отрицанием. Ведь вы либо верите, что человек несет ответственность за свое преступление, и в этом случае уступка смягчающих обстоятельств - лицемерие; либо вы предоставляете их из лучших побуждений, а затем признаете, что человек находился в обстоятельствах, которые уменьшали его моральную ответственность, и таким образом смягчающие обстоятельства становятся отрицанием справедливости. Ведь если бы ваше убеждение относительно таких обстоятельств было искренним, вы бы

докопались до их сути и проанализировали в свете своего понимания все те бесчисленные условия, которые способствуют возникновению этих смягчающих обстоятельств. Но что это за смягчающие обстоятельства? Семейные обстоятельства? Возьмем то, что ребенок остался один без родителей, поглощенных вихрем современной промышленности, которая ниспровергает законы природы и запрещает необходимый отдых, потому что паровые машины не устают и дневная работа должна сменяться ночной, так что заход солнца уже не является для рабочего сигналом к отдыху, а к началу новой рабочей смены. Учтите, что это касается не только взрослых, но и растущих человеческих существ, чья мускульная сила может принести капиталистам определенную прибыль. Поймите, что даже мать, в период священного материнства, становится винтиком в механизме промышленности. И вы поймете, что ребенок должен расти, предоставленный самому себе, в грязи жизни, и что его история будет вписана в криминальную статистику, которая является позором нашей так называемой цивилизации.

Конечно, в этой первой лекции я не могу дать вам даже проблеска положительных результатов той современной науки, которая изучает преступника и его окружение, а не его преступления. Поэтому я должен ограничиться лишь несколькими намеками на историческое происхождение позитивной школы криминологии. Я должен сказать вам кое-что по вопросу о свободе воли. Но вы поймете, что такой важный вопрос, достойный глубокого изучения многогранной физической, нравственной, интеллектуальной жизни, не может быть изложен в нескольких коротких словах. Я могу только сказать, что тенденция современных естественных наук, как в физиологии, так и в психологии, преодолела иллюзии тех, кто хотел бы упорно наблюдать психологические явления только в себе и думать, что они могут понять их без всяких других средств. Напротив, позитивная наука, подкрепленная свидетельствами антропологии и изучения окружающей среды, пришла к следующим выводам: О признании свободы воли не может быть и речи. Ибо если свободная воля - это лишь иллюзия нашего внутреннего бытия, то она не является реальной способностью, которой обладает человеческий разум. Свобода воли подразумевает, что человеческая воля, стоящая перед выбором добровольного принятия определенного решения, имеет последнее решающее слово под давлением обстоятельств, выступающих за и против этого решения; что она свободна принять решение за или против определенного курса независимо от внутренних и внешних обстоятельств, которые играют на нее, в соответствии с законами причины и следствия.

Допустим, человек оскорбил меня. Я покидаю место, где меня оскорбили, и вместе со мной уходят мысли о прощении или об убийстве и мести. И далее предполагается, что человек обладает полной свободой воли, если только на него не влияют обстоятельства, прямо перечисленные в законе, такие как несовершеннолетие, врожденная глухота, безумие, привычное пьянство и, в определенной степени, бурная страсть. Если человек не находится в состоянии, указанном в этом списке, он считается обладающим свободной волей, и если он убивает, то несет моральную ответственность и, следовательно, наказание.

Эта иллюзия свободы воли заложена в нашем внутреннем сознании и обусловлена исключительно невежеством, в котором мы пребываем относительно различных мотивов и различных внешних и внутренних условий, которые давят на наш разум в момент принятия решения.

Если человек знает основные причины, определяющие то или иное явление, он говорит, что это явление неизбежно. Если же он их не знает, то считает его случайностью, и это соответствует в физической области произволу человеческой воли, которая не знает, решить ли ей так или иначе. Например, некоторые из нас считали, а многие и сейчас считают, что

наступление и исчезновение метеорологических явлений случайно и не может быть предвидено. Но тем временем наука доказала, что они также подчиняются закону причинности, поскольку открыла причины, которые позволяют нам предвидеть их ход. Так, прогнозирование погоды достигло замечательных успехов благодаря сети телеграфно связанных метеорологических станций, которым удалось продемонстрировать связь между причиной и следствием в случае ураганов, как и любого другого физического явления. Очевидно, что идея случайности, применяемая к физической природе, ненаучна. Каждое физическое явление является необходимым следствием причин, которые определили его заранее. Если эти причины нам известны, то мы убеждены, что это явление необходимо, что это судьба, а если мы их не знаем, то считаем его случайным. То же самое можно сказать и о человеческих явлениях. Но поскольку в большинстве случаев мы не знаем ни внутренних, ни внешних причин, мы делаем вид, что это свободные явления, то есть что они не определяются обязательно своими причинами. Таким образом, спиритуалистическая концепция свободы воли подразумевает, что каждое человеческое существо, несмотря на то, что его внутренние и внешние условия обязательно предопределены, должно быть способно прийти к обдуманному решению простым усилием своей свободной воли, так что, даже если совокупность всех причин требует "нет", оно может принять решение в пользу "да", и наоборот. Кто же, обдумывая то или иное действие, задумывается о том, какие причины определяют его выбор? Можно с полным правом сказать, что большая часть наших поступков определяется привычкой, что мы принимаем решение почти по обычаю, не задумываясь о причинах "за" или "против". Когда мы встаем утром, то занимаемся своими привычными делами совершенно автоматически, выполняем их как функцию, в которой мы не думаем о свободе воли. Мы вспоминаем о ней только в необычных и серьезных случаях, когда нас призывают сделать какой-то особый выбор, так называемое добровольное размышление, и тогда мы взвешиваем причины за или против; мы размышляем, мы колеблемся, как поступить. Но даже в таких случаях от нашей воли в предстоящих размышлениях зависит так мало, что если бы кто-нибудь спросил нас за минуту до того, как мы решили, что будем делать, мы бы не знали, что собираемся решить. Пока мы не определились, мы не можем предвидеть, что мы решим, потому что в тех условиях, в которых мы живем, эта часть психического процесса происходит вне нашего сознания. И поскольку мы не знаем его причин, мы не можем сказать, каковы будут его последствия. Только после того, как мы пришли к определенному решению, мы можем представить, что оно было принято нами добровольно. Но незадолго до этого мы не могли этого сказать, и это доказывает, что оно зависело не только от нас. Предположим, например, что вы решили подшутить над своим сокурсником и осуществили это решение. Он воспринимает это недоброжелательно. Вы удивлены, потому что это противоречит его привычкам и вашим ожиданиям. Но через некоторое время вы узнаете, что накануне утром ваш друг получил плохие новости из дома и поэтому был не в том состоянии, чтобы шутить, и тогда вы говорите: "Если бы мы это знали, то не стали бы устраивать ему розыгрыш". Это равносильно тому, что если бы баланс вашей воли склонялся к решающему мотиву "нет", вы бы решили "нет"; но, не зная, что ваш друг расстроен и находится не в своем привычном расположении духа, вы решили "да". Это предложение: "Если бы я знал это, я бы так не поступил" - это крик нашего внутреннего сознания, которое отрицает существование свободы воли.

С другой стороны, ничто не создается и ничто не разрушается ни в материи, ни в силе, потому что и материя, и сила вечны и неуничтожимы. Они преобразуются самым разнообразным образом, но ни один атом не прибавляется и не отнимается, ни одна вибрация не становится больше или меньше. Так и сила внешних и внутренних обстоятельств определяет решение нашей воли в каждый конкретный момент. Идея свободы воли, однако, является отрицанием закона причины и следствия, как в области философии, так и в области

теологии. Святой Августин и Мартин Лютер приводят неопровержимые теологические аргументы в пользу отрицания свободы воли. Всемогущество Бога несовместимо с идеей свободы воли. Если все, что происходит, происходит по воле сверхчеловеческой и всемогущей силы *(ни один листок не упадет на землю без воли Бога)*, то как может сын убить своего отца без разрешения и воли Бога? По этой причине святой Августин и Мартин Лютер написали *книгу de servo arbitrio*.

Но поскольку теологические аргументы служат лишь тем, кто верит в концепцию бога, которая не дана нам наукой, мы прибегаем к законам, которые мы наблюдаем в силе и материи, и к закону причинности. Если современная наука открыла универсальную связь, соединяющую все явления через причину и следствие, которая показывает, что каждое явление является результатом предшествующих ему причин; если это закон причинности, лежащий в основе современной научной мысли, то очевидно, что допущение свободной мысли равносильно ниспровержению этого закона, согласно которому каждое следствие пропорционально своей причине. В таком случае этот закон, господствующий во всей Вселенной, растворился бы в ничтожестве у ног человека, который своей свободной волей создавал бы следствия, не соответствующие их причинам! Так можно было думать в те времена, когда люди имели совершенно иное представление о человеке. Но работа современной науки и ее влияние на практическую жизнь позволили проследить отношения каждого из нас с миром и с окружающими нас людьми. Влияние науки проявляется и в устранении больших иллюзий, которые в прежние века овладевали той или иной частью цивилизованного человечества. Научная мысль Коперника и Галилея избавилась от иллюзий, заставлявших людей верить в то, что Земля является центром Вселенной и творения.

Возьмите книгу Цицерона *"О должностных лицах"* или *"Божественную комедию"* Данте, и вы увидите, что для них Земля - центр творения, что вокруг нее кружатся бесконечные звезды, а человек - царь животных: геоцентрическая и антропоцентрическая иллюзия, вдохновленная безмерным самомнением. Но пришли Коперник и Галилей и показали, что Земля не стоит на месте, а является крупицей космической материи, брошенной в голубую бесконечность и вращающейся с неизвестных времен вокруг своего центрального тела, Солнца, которое возникло из огромной первобытной туманности. Галилея подвергали пыткам те, кто понимал, что эта новая теория разрушает многие религиозные легенды и многие моральные устои. Но Галилей сказал правду, и сегодня человечество больше не предается иллюзиям, что Земля является центром творения.

Но люди живут иллюзиями и неохотно уступают прогрессу науки, чтобы посвятить себя идеалу новых истин, вытекающих из сущности вещей, частью которых является человечество. После того как геоцентрическая иллюзия была разрушена, антропоцентрическая иллюзия все еще оставалась. На Земле человек по-прежнему должен был быть царем творения, центром земной жизни. Все виды животных, растений и минералов должны были быть созданы специально для него и с незапамятных времен иметь те формы, которые мы видим сейчас, так что фауна и флора, обитающие на нашей планете, всегда были такими, какие они есть сейчас. Цицерон, например, говорил, что небеса были расположены вокруг земли и человека, чтобы он мог любоваться красотой звездного неба по ночам, а животные и растения были созданы для его использования и удовольствия. Но в 1856 году появился Чарльз Дарвин и, обобщив результаты исследований, которые велись на протяжении целого столетия, разрушил во имя науки превосходную иллюзию, что человек - царь и центр творения. Среди нападок и клеветы любителей тьмы он показал, что человек - не царь творения, а лишь последнее звено зоологической цепи, что природа наделена

вечными энергиями, с помощью которых животная и растительная жизнь, равно как и минеральная (ведь даже в кристаллах действуют законы жизни), преобразуется от невидимого микроба до высшей формы, человека.

Антропоцентрическая иллюзия восставала против слов Дарвина, обвиняя его в том, что он низводит человеческую жизнь до уровня грязи или скотины. Но один из учеников Дарвина дал правильный ответ, пропагандируя дарвиновскую теорию в Йенском университете. Это был Геккель, который заключил: "Что касается моего человеческого сознания, то я предпочитаю быть чрезвычайно совершенной обезьяной, а не деградировавшим и униженным Адамом".

Постепенно антропоцентрическая иллюзия была вынуждена сдаться перед результатами науки, и сегодня теории Дарвина утвердились среди наших представлений. Но еще одна иллюзия все еще остается, и наука, работающая во имя реальности, постепенно ее устранит, а именно иллюзию, что девятнадцатый век установил постоянный порядок в обществе. В то время как геоцентрическая и антропоцентрическая иллюзии были развеяны, иллюзия неподвижности и вечности классов все еще сохраняется. Но хорошо помнить, что в Голландии в XVI веке, в Англии в XVII, в Европе после революции 1789 года мы видели, как свобода мысли в науке, литературе и искусстве, за которую боролась буржуазия, одержала победу над тиранией средневековых догм. И это состояние, вместо того чтобы быть славным, но преходящим этапом, якобы является концом развития человечества, которое отныне обречено больше не совершенствовать себя путем дальнейших изменений. Именно эта иллюзия служит фундаментальным аргументом против позитивной школы криминологии, поскольку утверждается, что уголовное правосудие, возведенное на фундамент Беккариа и Каррара, было бы революционной ересью. Эта же иллюзия служит аргументом против тех, кто выводит логические следствия в отношении социалистического будущего человечества, ибо наука, которая отталкивается от работ Коперника, Галилея и Дарвина, логически приходит к социализму. Социализм - это естественное и физическое преобразование экономических и социальных институтов. Конечно, пока господствуют геоцентрические и антропоцентрические иллюзии, естественно, что предания о стабильности накладывают свой отпечаток на науку и жизнь. Как может этот живой атом, которым является человек, взяться за изменение того порядка творения, который делает Землю центром Вселенной, а человека - центром жизни? Только после того как наука представила концепцию естественного формирования и преобразования Солнечной системы, а также фауны и флоры, человеческий разум осознал, что мысль и действие могут преобразовать мир.

По этой причине мы верим, что изучение преступника и вытекающих из него логических последствий приведет к полному преобразованию человеческой справедливости не только как теории, изложенной в научных книгах, но и как практической функции, ежедневно применяемой к той живой и страдающей части человечества, которая погрязла в преступлениях. Мы непоколебимо верим, что работа научной истины превратит уголовное правосудие в простую функцию сохранения общества от болезни преступности, избавленную от всех пережитков мести, ненависти и наказания, которые еще сохранились в наши дни как живое напоминание о варварской стадии. Мы и сегодня слышим, как "общественная месть" обрушивается на преступника, а символом правосудия по-прежнему является меч, которым оно пользуется чаще, чем весами. Но судья, рожденный женщиной, не может взвесить моральную ответственность того, кто совершил убийство или кражу. Только когда экспериментальный и научный метод начнет искать причины опасного недуга, который мы называем преступлением, в физическом и психическом организме, в семье и окружении преступника, правосудие, руководимое наукой, отбросит меч, который сейчас

опускается на бедных людей, ставших жертвами преступлений, и станет клинической функцией, главной задачей которой будет устранение или ослабление в обществе и отдельных людях причин, побуждающих к преступлению. Только тогда правосудие воздержится от того, чтобы после совершения преступления мстить за него позором казни или нелепостью одиночного заключения.

С одной стороны, жизнь человека зависит от слова судьи, который может ошибиться в случае смертной казни; и общество не может прекратить жизнь человека, если этого не требует необходимость законной самообороны. С другой стороны, одиночное заключение появилось вместе со вторым течением классической школы криминологии, когда в то же время, когда Беккариа обнародовал свои идеи, Джон Говард объехал всю Европу, описывая немыслимые ужасы массовых тюрем, которые стали центром заражения для общества в целом. Затем классическая школа перешла к другой крайности - одиночному заключению, по образцу Америки, откуда мы переняли системы Филадельфии и Гаррисбурга в первой половине XIX века. Изоляция на ночь также является нашим требованием, но мы возражаем против постоянного одиночного заключения днем и ночью. Паскуале Манчини назвал одиночное заключение "живой могилой", чтобы успокоить робких, когда от имени классической школы, чьим доблестным защитником он был, в 1876 году потребовал отмены смертной казни. И все же в своей лебединой песне он признал, что будущее принадлежит позитивной школе криминологии. И именно против этой "живой могилы" мы протестуем. Не может быть актом человеческой справедливости похоронить человека в тесной камере, в четырех стенах, лишить его возможности соприкасаться с общественной жизнью и сказать ему в конце срока: Теперь, когда твои легкие больше не привыкли дышать открытым воздухом, когда твои ноги больше не привыкли к неровным дорогам, иди, но следи, чтобы не было рецидива, иначе твой срок будет вдвое тяжелее.

В действительности одиночное заключение делает из человека либо тупое существо, либо бешеного зверя. И "s'io dico il vero, l'effeto nol nasconde" - если я говорю правду, факты также покажут это, ибо преступность растет и расширяется, честные люди остаются незащищенными, а те, кто поражен законом, не улучшаются, а становятся все более антисоциальными из-за повторяющихся рецидивов. И вот мы имеем тот контраст, о котором я говорил в начале лекции: теоретическая сторона криминальной науки настолько совершенна, в то время как криминальные условия болезненно проявляются. Неизбежным выводом является необходимость прогрессивной трансформации науки о преступлении и наказании.

КРИМИНОЛОГИИ.

II.

Мы видели вчера в кратком историческом обзоре, что классический цикл науки о преступлении и наказании, заложенный Чезаре Беккариа более века тому назад, был продолжен в нашей стране, около двадцати лет тому назад, научным движением позитивной школы криминологии. Давайте посмотрим сегодня, как эта школа изучала проблему преступности, оставив на завтра обсуждение средств, предлагаемых этой школой для лечения болезни преступности.

Когда в каком-либо месте совершается преступление, привлекающее внимание общественности либо жестокостью случая, либо необычностью преступного деяния - например, не связанного с кровопролитием, а с интеллектуальным мошенничеством, - в общественном сознании сразу же проявляются две тенденции. Одна из них, пронизывающая подавляющее большинство индивидуальных сознаний, спрашивает: Как это так? Зачем? Почему этот человек совершил такое преступление? Этим вопросом задаются все, и в основном он занимает внимание тех, кто не рассматривает дело с точки зрения криминологии. С другой стороны, те, кто занимается уголовным правом, представляют другую тенденцию, которая проявляется при знакомстве с новостями об этом преступлении. Это ограниченная часть общественного сознания, которая пытается изучить проблему с точки зрения технического юриста. Адвокаты, судьи, сотрудники полиции спрашивают себя: Как назвать преступление, совершенное этим человеком при таких обстоятельствах? Должно ли оно быть классифицировано как убийство или отцеубийство, покушение на убийство или неоконченное убийство, а если оно направлено против собственности, то является ли оно кражей, или незаконным присвоением, или мошенничеством? И весь аппарат практической уголовной юстиции сразу же забывает о первой проблеме, занимающей большинство общественного сознания, - вопросе о причинах, приведших к этому преступлению, - чтобы посвятить себя исключительно технической стороне проблемы, составляющей юридическую анатомию бесчеловечного и антиобщественного деяния, совершенного преступником.

В этих двух тенденциях вы имеете фотографическое воспроизведение двух школ криминологии. Классическая школа, рассматривающая преступление как юридическую проблему, занимается его названием, его определением, его юридическим анализом, оставляет личность преступника на заднем плане и вспоминает о ней лишь в тех исключительных случаях, которые прямо указаны в книгах по праву: является ли он несовершеннолетним, глухонемым, является ли он невменяемым, был ли он пьян в момент совершения преступления. Только в этих строго определенных случаях классическая школа теоретически занимается личностью преступника. Но в девяноста случаях из ста эти исключительные обстоятельства не существуют или не могут быть доказаны, и уголовное правосудие ограничивается техническим определением факта. Но когда дело доходит до уголовного суда или до суда присяжных, практика показывает, что между адвокатами защиты и судьями редко возникает дискуссия с целью выяснения наиболее точного определения факта, определения того, является ли это делом о покушении или только о проекте преступления, выяснения наличия тех или иных юридических элементов, определенных в той или иной статье кодекса. Судья скорее оказывается лицом к лицу с проблемой выяснения того, почему, при каких условиях, по каким причинам человек совершил преступление. Это высшая и простая человеческая проблема. Но до сих пор она была оставлена на откуп более или менее проницательному, более или менее одаренному эмпирику, и не было никаких научных стандартов, никакого методичного сбора фактов, никаких наблюдений и выводов, кроме тех, что делает позитивная школа криминологии. Только эта школа делает попытку решить в каждом случае преступления проблему его естественного происхождения, причин и условий, побудивших человека совершить такое-то и такое-то преступление.

Например, ежегодно в Италии регистрируется около 3 000 случаев непредумышленного убийства. Откройте любую работу, написанную в духе классической криминологической школы, и спросите автора, почему в Италии ежегодно жертвами непредумышленного убийства становятся 3 000 человек, и как получилось, что в Англии, где проживает почти столько же жителей, сколько в Италии, иногда происходит не 300, а 300 000 таких случаев?

Бесполезно открывать для этой цели любой труд по классической криминологии, потому что вы не найдете в нем ответа на эти вопросы. Никто, от Беккариа до Каррара, никогда не задумывался над этой проблемой, да и не мог задаться ею, учитывая их точку отправления и метод. По сути, классические криминологи принимают феномен преступности как свершившийся факт. Они анализируют его с точки зрения технического юриста, не задаваясь вопросом, как этот преступный факт мог быть порожден и почему он повторяется в большем или меньшем количестве из года в год, в каждой стране. Теория свободной воли, лежащая в их основе, исключает возможность такого научного вопроса, поскольку, согласно ей, преступление является продуктом воли человека. И если это признать как факт, то не остается ничего, за что можно было бы ответить. Непредумышленное убийство было совершено, потому что преступник хотел его совершить; и это все. Как только теория свободной воли принимается как факт, поступок зависит от воли, добровольного решения преступника, и все сказано.

Но если, с другой стороны, позитивная школа криминологии отрицает, на основании исследований в области научной физиологической психологии, свободу человеческой воли и не признает, что человек является преступником потому, что хочет им быть, а заявляет, что человек совершает то или иное преступление только тогда, когда он живет в определенно установленных условиях личности и среды, которые побуждают его обязательно действовать определенным образом, только тогда проблема происхождения преступности начинает подвергаться предварительному анализу, и только тогда уголовное право выходит из узких и засушливых рамок технической юриспруденции и становится настоящей социальной и гуманитарной наукой в самом высоком и благородном значении этого слова. Напрасно с таким упорством, как представители классической школы криминологии, настаивать на юридических формулах, с помощью которых определяется различие между незаконным присвоением и кражей, между мошенничеством и другими формами преступлений против собственности и т. д., когда этот метод не дает обществу ни единого слова, которое пролило бы свет на причины, делающие человека преступником, и на эффективное средство, с помощью которого общество могло бы защитить себя от преступности.

Правда, классическая школа криминологии тоже имеет свое средство борьбы с преступностью - наказание. Но это единственное средство этой школы, и во всех законодательных актах, вдохновленных теориями этой школы во всех странах цивилизованного мира, нет другого средства борьбы с преступностью, кроме репрессий.

Но Бентам сказал: Каждый раз, когда применяется наказание, оно доказывает свою неэффективность, поскольку не предотвращает совершение преступления. Поэтому это средство бесполезно. А более глубокое изучение причин преступности показывает, что если человек не совершает определенного преступления, то это происходит по совершенно иным причинам, нежели страх перед наказанием, очень сильным и фундаментальным причинам, которые не могут быть найдены в угрозах законодателей. Эти угрозы, если они все же выполняются полицией и тюремщиками, противоречат этим условиям. Человека, который намеревается совершить преступление или которого захватывает бурная страсть, психологический ураган, заглушающий его нравственное чувство, не остановить угрозами наказания, потому что извержение вулкана страсти мешает ему размышлять. Или же он может решиться на преступление после тщательного обдумывания и подготовки, и в этом случае наказание бессильно остановить его, потому что он надеется уйти безнаказанным. Все преступники единодушно скажут вам, что единственное, что побуждало их, когда они обдумывали преступление, - это надежда на то, что они останутся безнаказанными. Если бы у них было хоть малейшее подозрение, что их могут обнаружить и наказать, они бы не стали

совершать преступление. Единственным исключением является случай, когда преступление является результатом психического взрыва, вызванного бурной вспышкой страсти. И если вы хотите получить очень убедительную иллюстрацию психологической неэффективности юридических угроз, вам достаточно вспомнить о том любопытном преступлении, которое в настоящее время приобрело невиданную в прежние века частоту, а именно об изготовлении фальшивых денег. Поскольку в цивилизованных странах бумажные деньги - от нужды или по соображениям целесообразности - стали заменять металлическую монету, изготовление фальшивых бумажных денег стало очень частым явлением в XIX веке. Теперь фальшивомонетчик, совершая свое преступление, должен заставить свой разум тщательно имитировать надпись на купюре, буква в букву, включая тот угрожающий фрагмент, который гласит: *"Закон карает фальшивомонетничество*..." и т. д. Можете ли вы увидеть перед своим мысленным взором фальшивомонетчика, в процессе гравировки на камне, или другие могут игнорировать наказание, которое их ожидает, но он не может. Эта иллюстрация убедительна, ведь в случае других преступлений всегда можно предположить, что преступник действовал, не думая о будущем, даже когда он не был в порыве страсти. Но в случае с фальшивомонетчиком сам акт совершения преступления напоминает ему об угрозе закона, и тем не менее он невозмутим при его совершении.

Преступление имеет свои естественные причины, которые лежат за пределами той математической точки, которая называется свободой воли преступника. Помимо того, что преступление является юридическим феноменом, который было бы неплохо изучить самостоятельно, оно, прежде всего, является природным и социальным явлением, и должно изучаться в первую очередь как таковое. Нам нет нужды проходить столь трудный путь исследования только для того, чтобы пройтись по острию бритвы юридических определений и выяснить, например, что с тех пор, как Романьози провел различие между неоконченным и покушением на преступление, были пролиты реки чернил в попытке найти отличительные элементы этих двух степеней преступления. И, наконец, когда немецкий законодатель решил не делать различия между неоконченным и покушением на преступление и признать только оконченное преступление в своем кодексе 1871 года, мы стали свидетелями зрелища, когда Каррар восхвалял этого законодателя за то, что он оставил это тонкое различие в своем кодексе. Странный вывод со стороны науки, которая в течение столетия ломала голову, пытаясь найти признаки различия между покушением и неоконченным преступлением, а затем восхваляет законодателя за то, что он их игнорирует. А другой классик юриспруденции, Буччеллати, предлагал отказаться от теории покушения на преступление, просто определив его как преступление само по себе или как нарушение полицейских законов! Наука, которая приходит к таким выводам, - это наука, которая движется в метафизических абстракциях, и мы увидим, что все эти тонкие вопросы, которыми изобилует классическая наука, теряют всякую практическую ценность перед необходимостью спасти общество от чумы преступности.

Метод, который мы, с другой стороны, открыли, заключается в следующем: Прежде чем изучать преступность с точки зрения юридического явления, мы должны изучить причины, которыми обусловлена ежегодная повторяемость преступлений во всех странах. Это естественные причины, которые я классифицировал по трем направлениям: антропологическому, теллурическому и социальному. Каждое преступление, от самого незначительного до самого жестокого, является результатом взаимодействия этих трех причин, антропологического состояния преступника, теллурической среды, в которой он живет, и социальной среды, в которой он родился, живет и действует. Тщетно пытаться разделить ячейки этой сети преступности. Все еще есть те, кто придерживается односторонней точки зрения, что происхождение преступности можно отнести только к

одному из этих элементов, например, только к социальному элементу. Что касается меня, то я боролся с этим мнением с самого начала становления позитивной школы криминологии и борюсь с ним сегодня. Конечно, довольно легко думать, что все происхождение всех преступлений объясняется неблагоприятными социальными условиями, в которых живет преступник. Но объективное, методическое наблюдение показывает, что одних социальных условий недостаточно для объяснения происхождения преступности, хотя, правда, преобладание влияния социальных условий является неоспоримым фактом в случае большого числа преступлений, особенно мелких. Но есть преступления, которые не могут быть объяснены только влиянием социальных условий. Если рассматривать общее состояние несчастья как единственный источник преступности, то нельзя обойти ту трудность, что из тысячи человек, живущих в несчастье со дня своего рождения до смерти, только сто или двести становятся преступниками, а остальные девятьсот или восемьсот либо опускаются до биологической слабости, либо становятся безобидными маньяками, либо кончают жизнь самоубийством, не совершая никаких преступлений. Если бы бедность была единственной определяющей причиной, то тысяча из тысячи бедняков должна была бы стать преступниками. Если же преступниками становятся только двести человек, в то время как сто кончают жизнь самоубийством, сто становятся маньяками, а остальные шестьсот остаются честными в своем социальном положении, то одной бедности недостаточно для объяснения преступности. Мы должны добавить антропологический и теллурический фактор. Только с помощью этих трех элементов естественного влияния можно объяснить преступность. Конечно, влияние антропологического, теллурического или социального элемента варьируется от случая к случаю. Если вы имеете дело с простой кражей, то влияние социального фактора может быть гораздо сильнее, чем антропологического. С другой стороны, если вы имеете дело с убийством , антропологический элемент будет иметь гораздо большее влияние, чем социальный. И так далее в каждом случае преступления и каждого человека, которого вам придется судить на скамье подсудимых.

Антропологический фактор. Именно здесь гений Чезаре Ломброзо создал новую науку, потому что в поисках причин преступности он изучал антропологическое состояние преступника. Это состояние касается не только органической и анатомической конституции, но и психологической, оно представляет собой органическую и психологическую личность преступника. Каждый из нас наследует при рождении и олицетворяет в жизни определенное органическое и психологическое сочетание. Это составляет индивидуальный фактор человеческой деятельности, который либо остается нормальным в течение жизни, либо становится преступным или безумным. Антропологический фактор, таким образом, не должен ограничиваться, как это делают некоторые обыватели, изучением формы черепа или костей преступника. Ломброзо должен был начать свои исследования с анатомических особенностей преступника, потому что черепа легче всего изучать в музеях. Но он продолжил, изучая также мозг и другие физиологические состояния человека, состояние чувствительности и циркуляцию вещества. И весь этот ряд исследований является лишь необходимым научным введением к изучению психологии преступника, которая как раз и является единственной проблемой, имеющей прямое и непосредственное значение. Именно эту проблему должен решить адвокат и прокурор, прежде чем обсуждать юридический аспект любого преступления, так как именно она позволяет выявить причины, побудившие преступника к совершению преступления. На сегодняшний день не существует методического стандарта психологического расследования, хотя оно и было введено в сферу действия классического уголовного права. Но именно поэтому результаты позитивной школы проникают в аудитории университетов юриспруденции, когда требуется закон для судебного предъявления преступнику обвинения как живому и чувствующему человеку. И хотя позитивная школа не упоминается, все признаются, что изучают предоставленный ею

материал, например, ее анализ чувств преступника, его морального чувства, его поведения до, во время и после преступного деяния, наличие раскаяния, которое люди, оценивающие преступника по своим собственным чувствам, всегда предполагают, что преступник должен чувствовать, в то время как на самом деле оно редко присутствует. Это антропологический фактор, который может принимать патологическую форму, и тогда статьи 46 и 47 Уголовного кодекса напоминают, что существует такая вещь, как личность преступника. Однако, помимо невменяемости, существуют тысячи других органических и психологических состояний личности преступников, которые судья, возможно, объединил бы под названием смягчающих обстоятельств, но которые наука хотела бы тщательно исследовать. Сегодня этого не делается, и по этой причине идея смягчающих обстоятельств представляет собой отказ в правосудии.

Этот же антропологический фактор включает в себя и то, что есть у каждого из нас: расовый характер. Сегодня в социологии много говорят о влиянии расы на судьбы народов и людей, и существуют односторонние школы, претендующие на решение проблем истории и общества с помощью одного только расового влияния, которому они приписывают абсолютное значение. Но если одни утверждают, что история народов есть не что иное, как исключительный продукт расового характера, то другие настаивают на том, что определяющими являются исключительно социальные условия жизни народов и индивидов. Первая теория столь же односторонняя и неполная, как и вторая. Изучение коллективного общества или отдельного человека привело к пониманию того, что жизнь общества и отдельного человека всегда является продуктом неразрывной сети антропологических, теллурических и социальных элементов. Поэтому влияние расы нельзя игнорировать при изучении наций и личностей, хотя оно и не является исключительным фактором, достаточным для объяснения преступности нации или отдельного человека. Изучите, например, непредумышленное убийство в Италии, и, хотя вам будет трудно выделить один из факторов преступности из сети других обстоятельств и условий, которые ее порождают, все же есть такие красноречивые примеры влияния расового характера, что было бы все равно, что отрицать существование дневного света, если бы вы попытались игнорировать влияние этнического фактора на преступность.

В Италии существуют два течения преступности, две тенденции, которые почти диаметрально противоположны друг другу. Преступления на почве крови и мускулов растут по интенсивности от севера к югу Италии, а преступления против собственности - от юга к северу. В северной Италии, где движимое имущество более развито, преступления против собственности приобретают большую интенсивность, в то время как преступления, связанные с состоянием крови, уменьшаются из-за меньшей бедности и, как следствие, меньшей дегенерации людей. На юге, напротив, преступления против собственности встречаются реже, а преступления на почве крови - чаще. Тем не менее, в южной Италии есть случаи, когда преступность крови встречается реже, и вы не можете объяснить это иначе, чем влиянием расового характера. Если вы возьмете географическую карту непредумышленных убийств в Италии, то увидите, что от минимума, от Ломбардии, Пьемонта и Венеции, интенсивность растет, пока не достигнет максимума в островных и полуостровных крайних частях юга. Но даже там вы найдете случаи, когда непредумышленное убийство проявляется с меньшей интенсивностью.

Например, провинция Беневент окружена другими провинциями, которые демонстрируют максимум преступлений на почве крови, в то время как в ней регистрируется меньшее количество. Неаполь, опять же, демонстрирует значительно меньшее количество подобных случаев, чем окружающие его провинции, но в нем больше случаев непреднамеренного

убийства. В Мессине, Катании и Сиракузах число кровавых преступлений значительно меньше, чем в Трапани, Джирдженти и Палермо. Пытались утверждать, что эта разница в преступности объясняется социальными условиями, поскольку сельскохозяйственные условия на востоке Сицилии менее унизительны, чем в Гирдженти и Трапани, где серные рудники вынуждают шахтеров вести нищенский образ жизни. Но в противовес этой идее мы хотели бы задать следующий вопрос: Почему и в каком отношении сельскохозяйственные условия в одних провинциях лучше, чем в других? Эти условия сами по себе являются лишь следствием, а не причиной первой степени.

Поскольку теория исторического материализма, которую я предпочитаю называть экономическим детерминизмом, показала, что политические, моральные и интеллектуальные явления являются реакцией на экономические условия любого времени и места, была сделана попытка интерпретировать эту теорию очень узко и сделать вид, что экономическое состояние нации является первичной причиной и не определяется ничем другим. Со своей стороны, с тех пор как я продемонстрировал полное соответствие между марксистской и дарвиновской теориями, я сказал: Очень хорошо, что экономические условия нации объясняют ее политические, моральные, интеллектуальные условия, но экономические условия, в свою очередь, являются результатом других факторов. Например, как можно объяснить индустриализм Англии в XIX веке? Уберите угольные шахты (теллурическую среду), и вы не смогли бы иметь такие экономические условия Англии, какие они есть. Ведь экономические условия - это результат благоприятных или неблагоприятных теллурических условий, на которые действуют интеллект и энергия определенной расы. Катания, Мессина, Сиракузы находятся в лучшем экономическом состоянии, потому что у них лучшие географические условия и другая раса (греческой крови), чем в других сицилийских провинциях. Так же обстоит дело в Апулии и Неаполе, где также имеется значительная примесь греческой крови. Северных туристов по-прежнему привлекает наше искусство, и они посещают руины Таормины или Песто, которые являются реликвиями греческой расы. И именно греческой кровью объясняется меньшая частота кровавых преступлений в этих провинциях. Таким образом, это очевидное влияние расы. И я утверждаю, что в провинции Беневент тот же факт объясняется примесью лангобардской крови. Ведь герцогство Беневент с седьмого века имеет приток лангобардских элементов. А поскольку мы знаем, что германская и англосаксонская расы имеют наименьшую склонность к кровавым преступлениям, благотворное влияние этого расового характера в Беневенте объясняется само собой. С другой стороны, в западных и южных провинциях Сицилии много сарацинской крови, и это объясняет большее количество кровавых преступлений там. Очевидно, что органический характер жителей этого острова, где до сих пор можно увидеть жестокие и варварские черты сарацин рядом с чертами белокурых, холодных и спокойных норманнов, содержит в себе переливание крови различных рас. Но верно и то, что там, где определенная раса была преобладающей, ее влияние остается в индивидуальной и коллективной жизни.

Пусть этого будет достаточно, пока речь идет об антропологическом факторе преступности. Есть еще теллурические факторы, то есть физическая среда, в которой мы живем и на которую не обращаем внимания. Руссо говорил, что для того, чтобы замечать вещи, с которыми мы находимся в ежедневном контакте, требуется большая философия, потому что привычное влияние вещи затрудняет ее осознание. Это относится и к непосредственному влиянию физических условий на человеческую мораль, несмотря на спиритуалистические предрассудки, которые все еще влияют на нашу повседневную жизнь. Например, если во имя сверхъестественного и психизма утверждается, что человек несчастлив, потому что он порочен, это равносильно одностороннему утверждению. Ведь с таким же успехом можно

сказать, что человек становится порочным, потому что он несчастлив. Желание - сильнейший яд для человеческого тела и души. Он является источником всех бесчеловечных и антисоциальных чувств. Там, где нужда расправляет свои крылья, невозможны такие чувства, как любовь, привязанность, братство.

Взгляните на фигуры крестьянина в далекой засушливой Кампанье, маленького государственного служащего, рабочего, мелкого лавочника. Когда работа обеспечена, когда жизнь определенна, хотя и бедна, тогда нужда, жестокая нужда, отдаляется, и каждое доброе чувство может прорастать и развиваться в человеческом сердце. Семья тогда живет в благоприятной обстановке, родители согласны, дети ласковы. И когда рабочий, бронзовая статуя человечества, возвращается из прокуренной мастерской и встречает свою беловолосую мать, воплощение полувековой безупречной добродетели и героических жертв, тогда он, усталый, но уверенный в хлебе насущном, может дать место чувству привязанности и радушно пригласит мать разделить с ним его скудную трапезу. Но пусть того же человека в той же обстановке преследует призрак нужды и отсутствия работы, и вы увидите, как нравственная атмосфера в его семье меняется, как день сменяется ночью. Работы нет, и рабочий возвращается домой без зарплаты. Жена, не знающая, как прокормить детей, упрекает мужа в том, что его семья страдает. Мужчина, которому отказали в десяти конторах, чувствует, что его достоинство честного труженика ущемлено в самом лоне его собственной семьи, потому что он тщетно просил общество о честной работе. И в этой семье ослабевают узы привязанности и союза. Ее члены больше не согласны друг с другом. Детей слишком много, и когда бедная старая мать подходит к сыну, она читает в его мрачном и взволнованном лице отсутствие нежности и чувствует материнским сердцем, что ее мальчик, отравленный призраком нужды, возможно, бросает на нее злые взгляды и вынашивает недобрую мысль: "Лучше открытая могила на кладбище, чем еще один рот, который надо кормить дома!"

Правда, одной нужды недостаточно, чтобы подготовить почву в среде страдающей семьи для корней настоящего преступления и развить его. Нужда ослабит любовь и взаимное уважение между членами этой семьи, но сама по себе она не будет достаточно сильна, чтобы вооружить руки человека для совершения отцеубийства, если только он не впадет в патологическое психическое состояние, что бывает крайне редко и в исключительных случаях. Но выводы позитивной школы подтверждаются в этом случае, как и в любом другом. Для того чтобы преступность развивалась, необходимо, чтобы антропологические, социальные и теллурические факторы действовали вместе.

Мы обычно забываем об условиях физической среды, в которой живем, потому что сверхъестественный предрассудок говорит нам, что тело - это зверь, о котором мы должны забыть, чтобы возвыситься до духовной жизни. Мандзони мог бы обозначить Средние века термином "грязные", потому что они пренебрегали требованиями элементарной гигиены, а значит, и человеческой морали. Ведь там, где пренебрегают или нарушают требования нашего физического тела, не может расцвести ни один цветок. Теллурическая среда оказывает большое влияние на нашу физическую активность, воздействуя на нашу нервную систему. Мы чувствуем себя по-разному в зависимости от того, дует ли южный или северный ветер. Когда Гарибальди был в Пампасах, он заметил, что его спутники были вспыльчивы и склонны к жестоким ссорам, когда дул памперо, и что их поведение менялось, когда этот ветер прекращался. Великие основоположники уголовной статистики, Кетеле и Герри, заметили, что смена времен года влечет за собой изменения в преступности. Зимой сексуальные преступления совершаются реже, чем весной и летом. И в связи с этим я утверждал и продолжаю утверждать, что преступления против собственности зимой

возрастают благодаря совокупному воздействию температуры и социальных условий. Отсутствие работы, недостаток пищи и крова усиливают страдания и приводят к нападениям на собственность. С другой стороны, холод сам по себе снижает количество сексуальных преступлений и посягательств на личность. И те, кто утверждает, что более длительные половые контакты между людьми в летнее время также оказывают социальное влияние, тоже отчасти правы.

Наиболее красноречивый факт в этом отношении привел Мурро, когда указал, что это изменение в частоте кровавых преступлений, более частых в теплые месяцы, чем зимой, касается и заключенных. Статистика показывает, что нарушение дисциплины чаще всего происходит в жаркое время года. Социальный фактор здесь не играет роли, потому что социальная жизнь одинаковая и зимой, и летом. Таким образом, это практическое доказательство влияния климата, и оно подкрепляется тем фактом, что бред и эпилепсия в психушках также чаще встречаются в жаркие, чем в холодные месяцы. Влияние теллурических факторов, таким образом, невозможно отрицать, а влияние социального фактора усиливает его, как я уже показал на его наиболее резком и характерном примере - примере нужды. Поэтому можно понять, что человек, чья мораль пошатнулась под давлением растущей нужды, может совершить преступление против собственности или личности.

Конечно, совершенно очевидно, что экономические страдания оказывают неоспоримое влияние на преступность. А если учесть, что в Италии ежегодно осуждается около 300 000 преступников, из них 180 000 за незначительные преступления и 120 000 за преступления, относящиеся к категории тяжких, то легко заметить, что большая часть из них обусловлена главным образом социальными условиями, для которых не так уж трудно найти средство исправления. Работа законодателя может быть медленной, трудной и неадекватной, пока речь идет о теллурических и антропологических факторах. Но она, несомненно, может быть быстрой, эффективной и оперативной, если речь идет о социальных факторах, влияющих на преступность.

Мы показали, что преступность имеет своим естественным источником совокупное взаимодействие трех классов причин: антропологического (органического и психологического) фактора, теллурического фактора и социального фактора. Причем под последним фактором мы должны понимать не только нужду, но и любые другие условия административной нестабильности в политической, моральной и интеллектуальной жизни. Любое социальное условие, делающее жизнь человека в обществе неискренней и несовершенной, является социальным фактором, способствующим преступности. Экономический фактор находит свое подтверждение в нашей цивилизации , где закон свободной конкуренции, который является формой замаскированного каннибализма, устанавливает правило: *"Твоя смерть - моя жизнь"*. Конкуренция рабочих за ограниченное число мест равносильна утверждению, что те, кто обеспечивает себе жизнь, делают это за счет тех, кто ее не обеспечивает. А это - замаскированная форма каннибализма. Хотя он не пожирает конкурента, как это делало первобытное человечество, он парализует его клеветой, рекомендациями, защитой, деньгами, которые обеспечивают место лучшему торговцу и оставляют самого честного, талантливого и уважающего себя человека на муки голодной смерти.

Кроме того, экономический фактор оказывает свое порождающее преступность влияние и в виде избытка богатства. Действительно, в нашем современном обществе, находящемся на низшей стадии перехода от славной буржуазной цивилизации, составлявшей золотую страницу истории человечества в XIX веке, богатство само по себе является источником

преступности. Богатые люди, лишенные возможности трудиться вручную или интеллектуально, страдают от разврата досуга и порока. Азартные игры ввергают их в нездоровую лихорадку; борьба и гонка за деньгами отравляют их повседневную жизнь. И хотя богатые люди могут оставаться вне пределов досягаемости уголовного кодекса, они все равно обрекают себя на жизнь, посвященную лицемерным церемониям, лишенным нравственных чувств. И эта жизнь приводит их к спортивной форме преступности. Жульничество в азартных играх - неизбежный удел этих паразитов. Чтобы убить время, они предаются азартным играм, а те, кому это неинтересно, посвящают себя прелюбодеянию, которое в этом классе является развлечением даже среди лучших друзей, по причине полной душевной нищеты. А все потому, что незанятый ум человека - это кузница самого дьявола, как говорит английский поэт.

Мы вкратце рассмотрели естественный генезис преступности как закономерного социального явления, обусловленного взаимодействием антропологических, теллурических и социальных влияний, которые в каждый конкретный момент действуют на личность, стоящую на перекрестке порока и добродетели, преступления и честности. Эта научная дедукция порождает серию расследований, которые удовлетворяют разум и дают ему реальное понимание вещей, гораздо лучшее, чем теория, согласно которой человек становится преступником, потому что хочет им быть. Нет, человек совершает преступление, потому что он оказывается в определенных физических и социальных условиях, из которых злое растение преступности черпает жизнь и силу. Таким образом, мы получаем происхождение той печальной человеческой фигуры, которая является продуктом взаимодействия этих факторов, - аномального человека, человека, не приспособленного к условиям социальной среды, в которой он родился, так что эмиграция становится все более постоянным явлением для большей части мужчин, для которых случайность рождения все меньше и меньше определяет ход их дальнейшей жизни. А ненормальный человек, который ниже минимума приспособленности к социальной жизни и несет на себе следы органического вырождения, развивает либо пассивную, либо агрессивную форму ненормальности и становится преступником.

Среди этих аномальных людей следует особо выделить две группы. Ограничивая наши наблюдения истинными агрессивными антисоциальными аномалиями, то есть теми, кто не приспособлен к определенному социальному порядку и атакует его преступлениями, мы должны выделить тех, кто по эгоистическим или свирепым причинам атакует общество атавистическими формами борьбы за существование, совершая так называемые общие преступления в форме мошенничества или насилия, тем самым противодействуя или отменяя условия, в которых могут жить их собратья. Это атавистический тип преступников, который представляет собой инволюционную, или регрессивную, форму ненормальности, обусловленную задержкой развития или атавистическим возвращением к дикому и примитивному типу. Они составляют большинство в мире преступников, и их следует отличать от меньшинства, представляющего собой эволюционные, или прогрессивные, аномалии, которые также могут совершать преступления в насильственной форме, но их нельзя смешивать с остальными, поскольку они действуют не из эгоистических побуждений, а восстают из альтруистических побуждений против несправедливости существующего порядка. Эти альтруистические преступники чувствуют страдания и ужасы, вызванные окружающей их несправедливостью, и могут дойти до убийства, которое всегда должно осуждаться, но его нельзя смешивать с атавистическим или эгоистическим убийством. Прибегать к насилию над личностью всегда предосудительно с точки зрения высшей

мужественности, которая желает, чтобы человеческая жизнь всегда была в почете. Но причины такого преступления различны: в одном случае они эгоистичны, а в другом - альтруистичны. Эволюционная ненормальность часто является инструментом человеческого прогресса, но не в форме преступности, а в форме интеллектуального и морального бунта против условий, которые санкционируются законами, часто карающими такой эволюционный бунт сильнее, чем атавистическое преступление, как это происходит в России, где смертная казнь отменена за обычные преступления, но сохранена за политические нарушения закона! Мы живем в эпоху перехода от старого к новому, и современное человечество в это критическое время испытывает тревогу за свою нравственность. Правящие классы теряют ясность зрения, обещая памятники политическим убийцам, способствовавшим их собственным историческим победам, но осуждают, как обычного преступника, того, кто сейчас посвящает свою душу революционному идеалу, бросают в тюрьму пионера новых человеческих идеалов, подобно тому как Россия отлучает от церкви бунтаря Толстого. Я упоминаю Льва Толстого умышленно, чтобы дать точную иллюстрацию моей гетеродоксальной мысли в отношении этого вопроса. Мы выступаем против любой формы личного насилия (за единственным исключением самообороны), мы не можем одобрить любую форму личного нападения, каковы бы ни были его мотивы. Поэтому не может быть слов похвалы или оправдания политическому убийству, пусть даже оно вдохновлено альтруистическими мотивами. Мы можем потребовать от законодателя различать психологические источники этих двух форм убийства, эгоистической и альтруистической. Но мы осуждаем их обе, потому что это бесчеловечные формы насилия. Идеи не побеждают силой оружия. Идеи должны бороться с идеями, и только пропагандой идеи мы можем подготовить человечество к его будущему. Насилие всегда является средством, препятствующим искреннему и плодотворному распространению идеи. Мы говорим это не только в отношении ненормальных представителей низших классов. С научным спокойствием мы обращаемся и к высшим классам, которые подавили бы насилием каждое проявление бунта против социальных несправедливостей, каждое утверждение веры в лучшее будущее.

Такова концепция нашей науки, которой удается выделять черты характера даже среди неудачливых и несчастных представителей преступного мира, в то время как классическая школа криминологии рассматривает преступника как некоего абстрактного и нормального человека, за исключением случаев с несовершеннолетними, глухонемыми, опьяневшими и маньяками.

Фактически, классическая школа криминологии рассматривает всех воров как ВОРОВ, всех убийц как УБИЙЦ, а человеческий облик исчезает в сознании законодателя, в то время как он вновь появляется перед судьей. Для эссеиста и законодателя преступник - это своего рода движущийся манекен, на который судья может наклеить статью уголовного кодекса. Если оставить в стороне установленные случаи исключительной и редкой человеческой психологии, упомянутые в уголовном кодексе, то все остальные случаи служат судье лишь поводом выбрать из уголовного кодекса номер той статьи, которая подойдет манекену преступника, и если он приклеит на его спину 404 вместо 407, то апелляционный суд воспротивится любой смене номеров. А если бы этот манекен ожил и сказал: "Вопрос о моем номере может быть очень важен для вас, но если бы вы изучили все условия, которые вынуждали меня брать чужие вещи, то поняли бы, что эта важность очень схематична", судья бы ответил: "Это все верно для правосудия будущего, но не сейчас. Вы - номер 404 уголовного кодекса, и, выйдя из зала суда с этим номером, законно наклеенным на спине, вы получите другой номер, потому что попадете в тюрьму под номером 404 и поменяете его на номер 1525 или какой-нибудь другой, потому что ваша личность как человека полностью

исчезает перед вступлением в силу социальной справедливости!" А затем делается вид, что этот человек, чья личность таким абсурдным образом игнорируется, должен выйти из тюрьмы излеченным от всех дегенераций, и если он снова попадет на тернистый путь своих страданий и совершит новое преступление, судья просто наклеит другую статью поверх другой, добавив к номеру 404 номер 80 или 81, которые относятся к случаям рецидива.

404!

Таким образом, классическая школа криминологии пришла к своей единице измерения наказания, которую она провозгласила своим великим прогрессом. В Средние века разнообразие наказаний было больше. Но в XIX веке классическая школа криминологии боролась с позорящими наказаниями, телесными наказаниями, конфискацией, профессиональными наказаниями, смертной казнью, имея идеал единственного наказания, единственной панацеи от преступлений и преступников - *тюрьмы*.

Конечно, запретительные меры и штрафы существуют и сегодня. Но по сути весь карательный арсенал сводится к тюремному заключению, так как штрафы также конвертируются во столько-то дней или месяцев заключения. Одиночное заключение - идеал классической школы криминологии. Но опыт доказывает, что это наказание оказывает такое же воздействие на болезнь преступности, как и средство врача, который сидел бы в дверях больницы и говорил каждому пациенту, ищущему облегчения: "Чем бы вы ни болели, у меня есть только одно лекарство, и это отвар ревеня. У вас проблемы с сердцем? Тогда проблема для меня заключается лишь в том, какую дозу отвара ревеня я должен вам дать?"

А измерение доз наказания - это основа уголовного кодекса. Это настолько верно, что в последней инстанции этот кодекс представляет собой лишь таблицу уголовных логарифмов для вычисления наказаний. Горе судье, который ошибется, вынося приговор 19-летнему преступнику, который был пьян, когда согрешил, но заранее обдумал свой поступок. Горе судье, если он ошибется в расчетах, прибавляя или вычитая третью, или шестую, или половину, соответствующую предписанным смягчающим или отягчающим обстоятельствам! Если он ошибся в расчетах, подсудимый обращается в апелляционный суд, и неумолимый апелляционный суд говорит судье: "Обдумайте все еще раз. Вы были несправедливы". Единственный вопрос к судье заключается в следующем: Сложите ваши суммы и вычтите ваши вычеты, и заключенный будет приговорен к одному году, семи месяцам и тринадцати дням. Ни днем больше, ни днем меньше! Но зритель-человек спрашивает: "Если преступник исправится до истечения срока, следует ли оставить его в тюрьме?" Судья отвечает: "Мне все равно, пусть сидит один год, семь месяцев и тринадцать дней!"

Тогда зритель-человек говорит: "А если предположить, что по истечении срока преступник еще не будет пригоден для жизни в человеческом обществе?" Судья отвечает: "По истечении срока он выходит из тюрьмы, ибо, отпустив последний день, он заплатил свой долг!"

Это тот же случай, что и с воображаемым врачом, который говорит: "У вас проблемы с сердцем? Тогда примите кварту отвара ревеня и пролежите двенадцать дней в больнице". Другой пациент говорит: "Я сломал ногу". А врач: "Хорошо, примите пинту отвара ревеня и семнадцать дней в больнице". У третьего воспаление легких, и врач прописывает три кварты отвара ревеня и три месяца в больнице. "А если мое воспаление вылечится до этого времени?" "Неважно", - говорит врач, - "вы останетесь на три месяца". "Но если через три месяца я не вылечусь от болезни легких?" "Неважно, - говорит врач, - вы уйдете через три месяца".

К таким результатам мудрых людей привела система уголовного правосудия, которая отрицает весь элементарный здравый смысл. Они забыли о личности преступника и занялись исключительно преступлением как абстрактным юридическим явлением. Точно так же медицина старого образца занималась болезнью как таковой, как абстрактным патологическим явлением, не принимая во внимание личность пациента. Древние врачи не обращали внимания на то, хорошо или плохо питается пациент, молод он или стар, силен или слаб, нервный или полнокровный. Они лечили лихорадку как лихорадку, плеврит как плеврит. Современная медицина, напротив, заявляет, что болезнь нужно изучать на живом человеке пациента. И одна и та же болезнь может требовать разного лечения, если состояние пациента отличается.

Уголовная юстиция прошла тот же исторический путь развития, что и медицина. Классическая школа криминологии до сих пор находится на том же этапе, на котором до середины XIX века находилась медицина. Она занимается кражами, убийствами, мошенничеством, как таковыми. Но то, что требует столь пристального внимания общества, классическая школа забыла. Ведь эта школа забыла изучить убийцу, вора, фальшивомонетчика, а без этого изучения их преступления невозможно понять.

Преступление - одно из условий, необходимых для изучения преступника. Но одно и то же преступление может потребовать применения различных средств к личностям различных преступников, в соответствии с различными антропологическими и социальными условиями, в которых находятся различные преступники. Существует фундаментальное различие между антропологическими и социальными типами преступников, которые я разделил на пять категорий, сегодня единодушно признанных антропологами-криминалистами, поскольку Женевский конгресс предоставил возможность объяснить заблуждение, заставившее некоторых иностранных ученых поверить, что итальянская школа рассматривает один из этих типов (прирожденный преступник) просто как органическую аномалию.

Несколько слов о каждом из этих пяти типов.

Прирожденный преступник - жертва того, что я назову (учитывая, что наука еще не решила эту проблему) криминальным неврозом, который очень похож на эпилептический невроз, но который сам по себе не является достаточным для того, чтобы сделать человека преступником. Наши противники считали, что одно лишь наличие кривого носа или косого черепа ставит на человеке печать предрасположенности от рождения к убийству или воровству. Но человек может быть прирожденным преступником, то есть иметь врожденную дегенерацию, предрасполагающую его к преступлению, и при этом умереть в возрасте 80 лет, не совершив никакого преступления, потому что ему посчастливилось жить в среде, которая не предлагала ему никакого соблазна для совершения преступления. Опять же, разве не многие предрасположены к сумасшествию, никогда не становясь сумасшедшими? Если бы тот же самый человек жил в неблагоприятных условиях, без какого-либо образования, если бы он оказался в нездоровом теллурическом окружении, в шахте, на рисовом поле или в миазматическом болоте, он бы стал безумным. Но если вместо жизни в условиях, обрекающих его на сумасшествие, ему не придется бороться за хлеб насущный, если он будет жить в достатке, он может проявить некоторую эксцентричность характера, но не переступит порог сумасшедшего дома. То же самое происходит и в случае с преступностью. У человека может быть врожденная предрасположенность к преступлениям, но если он живет в благоприятных условиях, то доживет до конца своей естественной жизни, не нарушив ни одного уголовного или морального закона. Во всяком случае, мы должны отказаться от предрассудка, что преступниками являются только те, на чьей спине судья

наклеил номер. Ведь на свободе есть много негодяев, которые безнаказанно совершают преступления или оступаются на грани уголовного закона в самой отвратительной безнравственности, не нарушая его.

Это недоразумение было объяснено на Женевском конгрессе утверждением, что взаимодействие социальной и теллурической среды необходимо и в случае прирожденного преступника. И теперь мы можем считать само собой разумеющимся, что моя классификация пяти типов принята повсеместно. К ним относятся следующие: *Врожденный преступник*, имеющий врожденную предрасположенность к преступлению; *невменяемый преступник*, страдающий от определенной клинической формы психического отчуждения, которого даже наш существующий уголовный кодекс вынужден был признать; *закоренелый преступник*, то есть тот, кто приобрел привычку к преступлению главным образом благодаря неэффективным мерам, применяемым обществом для предотвращения и пресечения преступлений. В наших крупных промышленных центрах часто можно встретить брошенного ребенка, который с ранней юности вынужден заниматься попрошайничеством, чтобы добыть средства к существованию для предприимчивого хозяина или для своей бедной семьи, не имея возможности воспитать свое нравственное чувство в грязи улиц. В первый раз его наказывает закон и отправляет в тюрьму или исправительное заведение, где он неизбежно развращается. Затем, когда такой человек выходит из тюрьмы, его клеймят как вора или фальшивомонетчика, за ним следит полиция, а если он устраивается на работу в какой-нибудь магазин, владельца косвенно вынуждают уволить его, чтобы он неизбежно вернулся к преступлению.

Таким образом, человек приобретает преступность как привычку, продукт социальной гнили, вызванной неэффективными мерами по предупреждению и пресечению преступлений. Кроме того, существует *случайный преступник*, который совершает незначительные преступные деяния скорее потому, что его сбивают с пути условия жизни, чем агрессивная энергия деградирующей личности. Если тюремная жизнь не ухудшит его положение, он может найти возможность вернуться к нормальной жизни в обществе. Наконец, есть *преступник со страстью*, который, как и безумный преступник, привлекал внимание позитивной школы криминологии; которая, однако, не пришла к каким-либо определенным выводам относительно него, таким, которые могут быть получены с помощью экспериментального метода путем изучения в тюрьмах, психушках или на свободе. Отношения между страстью и преступлением до сих пор изучались на поле, на котором невозможно было найти решение. Ведь классическая школа рассматривает преступление в зависимости от большей или меньшей интенсивности и жестокости страсти и приходит к выводу, что степень ответственности уменьшается в той мере, в какой увеличивается интенсивность страсти, и наоборот. Проблема не может быть решена таким образом. Существуют страсти, которые могут доходить до высшей степени интенсивности, не снижая при этом ответственности. Например, является ли тот, кто убивает из мести, страстным преступником, который должен быть оправдан?

Классическая школа криминологии говорит "нет", и я, со своей стороны, с ними согласен. Франческо Каррара говорит: "Существуют слепые страсти и разумные. Слепые страсти лишают человека свободы воли, разумные - нет. Слепые и оправданные страсти - это страх, честь, любовь, разумные и непростительные - ненависть и месть". Но как же так? Я изучал убийц, которые убивали из мести и говорили мне, что желание отомстить овладевало ими, как лихорадка, так что они "забывали даже есть". Ненависть и месть могут овладеть человеком до такой степени, что он ослепнет от страсти. Правда в том, что страсть нужно рассматривать не столько с точки зрения ее силы или количества, сколько с точки зрения ее

качества. Мы должны различать социальную и антисоциальную страсть, одна из которых благоприятствует условиям жизни вида и коллектива, а другая антагонистична развитию коллектива. В первом случае мы имеем любовь, оскорбленную честь и т. д., которые являются страстями, обычно полезными для общества, и отклонения которых могут быть оправданы в большей или меньшей степени в зависимости от отдельных случаев. С другой стороны, мы имеем непростительные страсти, потому что их психологическая тенденция - противодействовать развитию общества. Они антисоциальны и не могут быть оправданы, и к ним относятся ненависть и месть.

Поэтому позитивная школа признает, что страсть простительна, когда нравственное чувство человека нормально, когда его прошлое чисто и когда его преступление вызвано социальной страстью, которая делает его оправданным.

Завтра мы увидим, какие средства защиты предлагает позитивная школа криминологии для каждой из этих категорий преступников, в отличие от измерения доз тюремного заключения, отстаиваемого классической школой.

Таким образом, мы исчерпали в кратком и общем обзоре тему естественного происхождения преступности. Подведем итог: преступность - это социальное явление, обусловленное взаимодействием антропологических, теллурических и социальных факторов. Этот закон приводит к тому, что я назвал криминальной насыщенностью, что означает, что каждое общество имеет ту преступность, которую оно заслуживает, и которая производит посредством своих географических и социальных условий такие количества и качества преступлений, которые соответствуют развитию каждого коллективного человеческого коллектива.

Таким образом, подтверждается старое высказывание Иметле: "Существует ежегодный баланс преступлений, который должен быть оплачен и урегулирован с большей регулярностью, чем счета национального дохода". Однако мы, позитивисты, даем этому высказыванию менее фаталистическое толкование, поскольку мы показали, что преступность не является нашей неизменной судьбой, хотя попытки ослабить или устранить преступность с помощью одних лишь схем - тщетное начинание. Правда в том, что баланс преступности определяется физической и социальной средой. Но, изменив состояние социальной среды, которая легче всего поддается изменению, законодатель может изменить влияние теллурической среды, органическое и психическое состояние населения, контролировать большую часть преступлений и значительно сократить их. Мы твердо убеждены, что истинно цивилизованный законодатель может ослабить чуму преступности не столько с помощью уголовного кодекса, сколько с помощью средств, которые скрыты в остальной общественной жизни и законодательстве. И опыт самых развитых стран подтверждает это благотворным и профилактическим влиянием уголовного законодательства, опирающегося на эффективные социальные реформы.

Таким образом, мы приходим к следующему научному выводу: В обществе будущего необходимость в уголовном правосудии будет уменьшаться по мере интенсивного и широкого развития социальной справедливости.

III.

В предыдущих двух лекциях я дал вам краткий обзор нового течения в научной мысли, изучающего болезненные и опасные явления преступности. Теперь мы должны сделать логические выводы, теоретические и практические, из учения экспериментальной науки, для устранения гангренозной чумы преступности. Под влиянием позитивных методов исследования старая формула "Наука ради науки" уступила место новой формуле "Наука ради жизни". Ибо бесполезно было бы человеческому разуму отступать под своды философской концентрации, если бы это интеллектуальное мастерство не порождало в качестве обратного эффекта благотворную волну реального улучшения судеб человеческой расы.

Что же предлагает цивилизованный мир в качестве средств борьбы с преступностью? Классическая школа криминологии, будучи не в состоянии обнаружить в ходе своей научно-исторической миссии естественные причины преступности, как я показал в предыдущих лекциях, не была в состоянии всесторонне и дальновидно подойти к этой проблеме средства против преступности. Некоторые из классических криминологов, такие как Бентам, Романьози или Эллеро, с более позитивным складом ума, чем другие, возможно, отдали часть своей научной деятельности анализу этой проблемы, а именно предупреждению преступности. Но сам Эллеро вынужден был признать, что "классическая школа криминологии написала тома о смертной казни и пытках, но создала лишь несколько страниц о предупреждении преступности". Историческая миссия этой школы заключалась в смягчении наказания. Ведь родившись накануне Французской революции во имя индивидуализма и естественных прав, была протестом против варварских наказаний Средневековья. И, таким образом, практическим и славным результатом классической школы стала пропаганда отмены самых жестоких наказаний средневековья, таких как смертная казнь, пытки, увечья. Мы, в свою очередь, продолжаем практическую и научную миссию классической школы криминологии еще более благородной и плодотворной миссией, добавляя к проблеме *уменьшения наказаний* проблему *уменьшения преступлений*. Для человечества гораздо важнее сократить число преступлений, чем уменьшить страшные страдания от уголовных наказаний, хотя даже это является благородным делом после того, как злому растению преступности было позволено разрастись в царстве жизни. Возьмем, к примеру, филантропическое пробуждение, вызванное Женевским конгрессом в связи с созданием Общества Красного Креста для ухода, лечения и лечения раненых на войне. Какой бы благородной и похвальной ни была эта миссия, гораздо благороднее и лучше было бы предотвратить войну, чем лечить искалеченных и раненых. Если бы такое же рвение и настойчивость, как в работе Общества Красного Креста, были направлены на реализацию международного братства, изнурительный путь человеческого прогресса принес бы гораздо лучшие результаты.

Противостоять свирепым наказаниям Средневековья - благородная миссия. Но еще благороднее предотвратить преступление. Классическая школа криминологии обращала свое внимание только на наказания, на репрессивные меры после совершения преступления со всеми его ужасными моральными и материальными последствиями. Ибо в классической школе средства борьбы с преступностью преследуют не социальную цель улучшения человеческой жизни, а лишь иллюзорную миссию возмездия, встречая моральный проступок соответствующим наказанием в виде судебных приговоров. Именно этот дух до сих пор царит в уголовном законодательстве, хотя и существует некий эклектический компромисс между старым и новым. Классическая школа криминологии заменила старые абсолютистские представления о справедливости эклектической теорией,

согласно которой абсолютная справедливость имеет право наказывать, но это право модифицируется интересами цивилизованной жизни в современном обществе. Именно этот вопрос обсуждался в Италии в знаменитой полемике между Паскуалем Станислао Манчини и Теренцио Мамиани в 1847 году. Именно этой теории придерживаются классические криминологи, пересмотревшие уголовный кодекс, который общественное мнение считает неспособным защитить общество от опасностей преступности. И нам достаточно оглянуться на реалии современной жизни, чтобы увидеть, что уголовный кодекс далеко не всегда является средством борьбы с преступностью, что он ничего не исправляет, потому что либо преднамеренность, либо страсть в личности преступника лишают уголовный закон всякой запретительной силы. Обманчивая вера в действенность уголовного закона все еще живет в общественном сознании, потому что каждый нормальный человек чувствует, что мысль о тюремном заключении встанет на его пути, если он задумает завтра совершить кражу, изнасилование или убийство. Он чувствует узду социального чувства. А уголовный кодекс придает ему дополнительную силу и удерживает от преступных действий. Но даже если бы уголовного кодекса не существовало, он не совершил бы преступления, если бы физическое и социальное окружение не подталкивало его к этому. Уголовный кодекс служит лишь для того, чтобы временно изолировать от общения с обществом тех, кто не считает себя достойным этого. И это наказание не позволяет преступнику на какое-то время повторить свой преступный поступок. Но очевидно, что наказание назначается только после совершения преступления. Это средство, направленное против последствий, но оно не затрагивает причины, корни зла.

Можно сказать, что в социальной жизни наказание имеет такое же отношение к преступлению, как медицина к болезни. Когда в организме развивается болезнь, мы прибегаем к помощи врача. Но он не может сделать ничего другого, кроме как достичь эффекта у какого-то отдельного человека. С другой стороны, если бы индивид и коллектив соблюдали правила профилактической гигиены, болезни удалось бы избежать в 90 случаях из 100, и она появлялась бы только в крайних и исключительных случаях, когда рана или органическое состояние нарушают законы здоровья. Отсутствие предусмотрительности со стороны человека, обусловленное недостаточным проявлением сил интеллекта и пронизывающее столь значительную часть человеческой жизни, несомненно, виновато в том, что человечество предпочитает использовать запоздалые средства, а не соблюдать законы здоровья, которые требуют более методичного контроля за своими действиями и большей предусмотрительности, поскольку средство должно быть применено до того, как болезнь станет очевидной. Время от времени я говорю, что человеческое общество действует в отношении преступности с тем же недостатком предусмотрительности, что и большинство людей в отношении зубной боли. Многие ли люди не страдают от зубной боли, особенно в больших городах? А ведь любой человек, убежденный в чудодейственной силе гигиены, мог бы легко чистить зубы каждый день и предотвратить размножение микробов, вызывающих зубную гниль, тем самым избавив свои зубы от вреда и боли. Но делать это каждый день утомительно. Это подразумевает контроль над собой. Это невозможно сделать без научной убежденности, которая побуждает человека приобрести эту привычку. Большинство людей говорят: "Ну что ж, если зуб сгниет, я потерплю боль". Но когда наступает ночь, когда они не могут уснуть из-за зубной боли, они ругают себя за то, что не приняли меры предосторожности, и бегут к стоматологу, который в большинстве случаев уже ничем не может им помочь.

Законодатель должен применять правила социальной гигиены, чтобы добраться до корней преступности. Но для этого необходимо, чтобы он ежедневно прикладывал свой ум и волю к законодательной реформе индивидуальной и общественной жизни, как в области

экономики и морали, так и в области управления, политики и интеллекта. Вместо этого законодатели позволяют микробам преступности развивать свою патогенную силу в обществе. Когда преступления становятся явными, законодатель не знает другого средства, кроме тюремного заключения, чтобы наказать зло, которое он должен был предотвратить. К сожалению, это научное убеждение еще не укоренилось и не укрепилось в сознании законодателей большинства цивилизованных стран, поскольку они в среднем представляют собой отсталые научные убеждения одного-двух предыдущих поколений. Законодатель, заседающий в парламенте сегодня, был студентом университета 30 лет назад. За очень редким исключением он снабжен лишь знаниями из отживших научных исследований. Это исторический закон, что работа законодателя всегда отстает от науки его времени. Но, тем не менее, на ученом лежит настоятельная обязанность распространять убеждение, что гигиена на поле цивилизации стоит столько же, сколько в медицине для общественного здоровья.

Это фундаментальное убеждение, к которому приходит позитивная школа: То, что произошло в медицине, произойдет и в криминологии. Огромное значение практической гигиены, особенно социальной гигиены, которая превосходит индивидуальную, было признано после чудесных научных открытий, касающихся происхождения и первобытных причин самых опасных болезней. До тех пор, пока Пастер и его ученики не сообщили миру о своем открытии болезнетворных микробов всех инфекционных заболеваний, таких как брюшной тиф, холера, дифтерия, туберкулез и т. д., от медицинской науки требовались более или менее абсурдные средства. Помню, например, как в юности, во время эпидемии холеры, я был вынужден находиться в закрытой комнате, в которой проводилась дезинфекция веществами, раздражающими бронхи и легкие, но не убивающими холерные микробы, как было доказано впоследствии. Только после того, как были открыты истинные причины этих инфекционных заболеваний, можно было применять эффективные средства борьбы с ними. Акведук, проведенный к такому населенному пункту, как Неаполь, защищает от холеры лучше, чем лекарства, даже после того, как болезнь пустила корни среди жителей Неаполя. Это современный урок, который мы хотим преподать в области криминологии, области, которая всегда будет сохранять свои репрессивные функции в качестве исключительного и окончательного убежища, потому что мы не верим, что нам удастся искоренить все формы преступности. Поэтому, если преступление проявляется, репрессия может быть использована как одно из средств криминологии, но она должна быть самым последним, а не исключительно доминирующим средством, как это происходит сегодня.

Именно это слепое поклонение наказанию является причиной того зрелища, которое мы наблюдаем в каждой современной стране, зрелища того, что законодатели пренебрегают правилами социальной гигиены, просыпаются, когда преступность приобретает острый характер, и не знают лучшего средства, чем ужесточение наказания, предусмотренного уголовным кодексом. Если одного года тюремного заключения недостаточно, мы сделаем его десятилетним, а если отягчения обычного наказания недостаточно, мы примем закон об исключениях. Именно слепое доверие к наказанию всегда остается единственным средством защиты общественной совести и всегда работает во вред нравственности и материальному благополучию, потому что не спасает общество честных людей и наносит удары, не излечивая тех, кто стал жертвой вины и преступления.

Таким образом, позитивная школа криминологии, помимо большего значения, придаваемого ежедневным и систематическим мерам социальной гигиены для предупреждения преступности, приходит к радикально иным выводам и в вопросе о репрессивном правосудии. Классическая школа в качестве основного средства борьбы с

преступностью отдает предпочтение одному виду наказания, а именно тюремному заключению, и дает фиксированные и предписанные дозы этого средства. Логическим завершением ретрибутивной юстиции является то, что она проходит путь иллюзорного очищения от моральной вины к юридической ответственности преступника и далее к соответствующей дозе наказания, которая была заранее предписана и установлена.

Мы же считаем, что даже сохранившаяся форма репрессий, которая будет неизбежной, несмотря на применение правил социальной профилактики, должна быть совершенно иной, в силу различия наших представлений о преступлении и уголовном правосудии.

В большинстве случаев, когда речь идет о незначительных преступлениях, совершенных людьми, принадлежащими к наиболее многочисленному и наименее опасному классу случайных или страстных преступников, единственной формой гражданской репрессии будет *возмещение потерпевшему его убытков*. По нашему мнению, это должно быть единственной формой наказания, назначаемой в большинстве мелких преступлений, совершенных людьми, не представляющими опасности. В современной практике правосудия возмещение потерпевшему ущерба превратилось в посмешище, потому что об этом потерпевшем систематически забывают. Все внимание классической школы было сосредоточено на юридическом субъекте преступления. Жертва преступления была забыта, хотя она заслуживает филантропического сочувствия больше, чем преступник, причинивший вред. Правда, каждый судья добавляет к приговору формулу о том, что преступник несет ответственность за причиненный ущерб и расходы перед другой властью. Но судебный процесс откладывает эту компенсацию на неопределенное время, и если через несколько лет после вынесения приговора жертве удается добиться каких-либо действий, то преступник за это время успевает воспользоваться тысячей юридических уловок, чтобы уйти со своей добычей. Таким образом, сам закон становится питательной средой для личной мести, ведь, как метко заметил Филанджери, невиновный человек хватается за кинжал убийцы, когда меч правосудия его не защищает.

Сразу скажем, что жесткое применение возмещения ущерба никогда не должно заменяться тюремным заключением, поскольку это равносильно санкционированию реального классового различия, ведь богатые могут смеяться над возмещением ущерба, а пролетарий должен будет искупать приговор в 1000 лир 100 днями тюрьмы, а тем временем невинная семья, со слезами ожидающая его на улице, будет ввергнута в отчаянное положение. Компенсация ущерба не должна происходить иначе, чем за счет труда заключенного в объеме, удовлетворяющем семью пострадавшего. Это пытались эклектично включить в наши законы, но это предложение остается мертвой буквой и не применяется в Италии, потому что одного росчерка пера законодателя недостаточно, чтобы изменить судьбу целой нации.

Эти практичные и эффективные меры будут приняты в отношении менее тяжких преступников. Для тяжких преступлений, совершаемых атавистическими или врожденными преступниками, а также лицами, склонными к преступлению в силу приобретенной привычки или психического отчуждения, позитивная школа криминологии отводит сегрегацию на неопределенный срок, ибо нелепо заранее устанавливать срок в случае опасного дегенерата, совершившего тяжкое преступление.

Вопрос о неопределенных приговорах недавно обсуждался и Пессиной, который борется с ним, разумеется, потому, что суть классической школы криминологии - воздаяние за вину путем соответствующего наказания. На это можно ответить, что ни один человеческий судья не может использовать никакой другой, кроме самой грубой шкалы, по которой можно

определить, несете ли вы ответственность в размере целого, половины или одной трети. А поскольку не существует абсолютного или объективного критерия, по которому можно было бы определить соотношение преступления и наказания, уголовное правосудие превращается в азартную игру. Но мы довольствуемся тем, что отмечаем, что в раздельном содержании на неопределенный срок есть столько правды, что даже самые ортодоксальные представители классической школы признают это, например, в случае с несовершеннолетними преступниками. Итак, если неопределенное наказание является нарушением принципов классической школы, я не могу понять, почему его можно признать в отношении несовершеннолетних, но не в отношении взрослых. Очевидно, что это целесообразность, навязанная требованиями практической жизни, и только позитивная школа криминологии может ответить на них логической систематизацией. Что касается остальных, то бессрочная сегрегация, как мы предлагаем для наиболее опасных атавистических преступников, - это мера, которая уже используется как для обычных сумасшедших, так и для криминальных сумасшедших. Но можно сказать, что это административная мера, а не судебный приговор. Что ж, если кому-то так нравятся формулы, чтобы выдвигать это возражение, он может забавляться ими сколько угодно. Но факт остается фактом: невменяемого человека, совершившего преступление, отправляют в здание с железными решетками на воротах, как в тюрьме. Вы можете называть его административным зданием или пенитенциарным учреждением, название не имеет значения, ибо важна только суть. Мы считаем, что врожденные или патологические преступники не могут быть заперты на определенный срок в каком-либо учреждении, а должны оставаться там до тех пор, пока не будут адаптированы к нормальной жизни в обществе.

Эта радикальная реформа принципов влечет за собой радикальную трансформацию деталей. При неопределенном сроке заключения должны существовать органы опеки над такими людьми, например, постоянные комитеты для периодического пересмотра приговоров. В будущем судья по уголовным делам всегда будет обеспечивать достаточную доказательную базу, чтобы доказать, действительно ли подсудимый виновен, ведь это принципиальный момент. Если есть уверенность в том, что он совершил преступление, его следует либо исключить из общения, либо приговорить к возмещению ущерба, если преступник не опасен, а преступление не тяжкое. Абсурдно приговаривать человека к пяти или шести дням тюремного заключения за какой-то незначительный проступок. Вы опускаете его в глазах общественности, подвергаете надзору полиции и отправляете в тюрьму, откуда он выйдет еще более испорченным, чем был, когда туда попал. Абсурдно назначать тюремную изоляцию за мелкие ошибки. Компенсации за травмы вполне достаточно. Для изоляции более тяжких преступников управление должно быть таким же научным, как сейчас в психушках. Нелепо ставить во главе исправительного учреждения старого пенсионера или закоренелого бюрократа. Достаточно посетить один из этих принудительных человеческих ульев, чтобы увидеть, как военная дисциплина несет в себе жестокое лицемерие. Управление такими учреждениями должно быть научным, и уход за заключенными должен быть научным, так как тяжкое преступление - это всегда проявление патологического состояния человека. В Америке уже существуют такие учреждения, как исправительный дом в Эльмире, где торжественно обещано применение методов позитивной школы криминологии. Директор учреждения - психолог, врач. Когда сюда поступает несовершеннолетний преступник, его изучают с точки зрения физиологии и психологии. Лечение направлено на регенерацию растений, которые, будучи молодыми, еще можно выпрямить. Научная терапия мало что может сделать для преступников-рецидивистов. Нынешнее подавление преступности лишает заключенного

индивидуальности и сводит его к числу либо в массовом заключении, которое полностью его развращает, либо в одиночной камере, которая превращает его в тупого или буйного зверя.

Эти методы постепенно внедряются и в приютах для умалишенных. Я должен рассказать вам небольшую историю, чтобы проиллюстрировать это. Когда я был профессором в Пизе, восемь лет назад, я водил своих студентов в пенитенциарные учреждения и приют для умалишенных в Монтелупо, как я всегда это делал. Доктор Альгиери, директор этого приюта, показал нам среди прочих очень интересный случай. Это был мужчина примерно 45 лет, история которого вкратце была следующей: Он был каменщиком, живущим в одном из городов Тосканы. Он был нормальным и честным человеком, очень хорошим отцом, пока не наступил один несчастливый день, в который упавший с завода кирпич проломил ему часть черепа. Он упал без сознания, его подняли, отнесли в больницу, вылечили от внешней травмы, но он потерял и физическое, и моральное здоровье. Он стал эпилептиком.

А поражение, к которому привела утрата нормальной функции нервной системы, превратило его из послушного и уравновешенного человека, каким он был раньше, в ссорящегося и раздражительного, так что он стал менее регулярным в работе, менее нравственным и честным в семейной жизни, и в конце концов был осужден за тяжкое нападение в драке в салуне. Его приговорили как обычного преступника к не знаю скольким годам тюремного заключения. Но в тюрьме исключительные условия уединения привели к ухудшению его физического и нравственного здоровья, участились эпилептические припадки, ухудшился характер. Начальник тюрьмы отправил его в приют для умалишенных преступников в Монтелупо, где содержатся преступники, подозреваемые в сумасшествии, и невменяемые преступники.

Доктор Альгиери изучил этот интересный случай и пришел к выводу, что в мозгу мужчины находится осколок кости, который не был замечен при лечении в больнице, и что именно он является причиной эпилепсии и деморализации заключенного. Он провёл трепанацию части черепа вокруг старой раны и действительно обнаружил костный осколок, застрявший в мозгу мужчины. Он удалил осколок и наложил на место трепанации платиновую пластину, чтобы защитить мозг. Человек поправился, эпилептические припадки прекратились, его моральное состояние стало таким же нормальным, как и раньше, и этого каменщика (как насчет свободы воли?) уволили из приюта, поскольку он уже пять или шесть месяцев демонстрировал нормальное поведение благодаря мудрости врача, избавившего его от поражения, которое делало его эпилептиком и аморальным. Если бы не существовало этого приюта для умалишенных преступников, он попал бы в мягкую камеру, как и другой человек, которого я и мои студенты видели несколько лет назад в пенитенциарном учреждении Анконы. Директор, старый солдат, сказал мне: "Профессор, я покажу вам тип человеческого зверя. Это человек, который четыре пятых года проводит в мягкой камере". Позвав шестерых сопровождающих, "потому что мы должны быть осторожны", мы отправились в камеру, и я сказал тому директору: "Пожалуйста, предоставьте этого человека мне. Я слабо верю в существование человеческих зверей. Держите сопровождающих на расстоянии". "Нет", - ответил директор, - "моя ответственность не позволяет мне этого сделать".

Но я настаивал. Клетку открыли, и из нее вышел человек, действительно похожий на дикого зверя с выпученными глазами и перекошенным лицом. Но я встретил его с улыбкой и ласково спросил: "Как дела?". Такая перемена в обращении сразу же изменила отношение мужчины. Сначала у него случился нервный припадок, а затем он разрыдался и рассказал мне свою историю с красноречием страдальца. Он сказал, что у него бывают дни, когда он не владеет собой, но он признает, что с ним все в порядке, когда приступы вспыльчивости проходят. Не говоря об этом, он тем самым призвал мудрость человеческой психологии к

лучшему лечению. В этих тюрьмах действительно есть врач, но он лечит, как правило, только обычные болезни и не знаком со специальными психологическими знаниями. Бывают исключения, и в этом случае это счастливое совпадение. Но тюремный врач имеет практику и вне тюрьмы и торопится выполнить свою тюремную работу. "Они симулируют болезнь, чтобы выйти из тюрьмы, - говорит он. И это будет тем более так, что врачи нашего времени не имеют достаточной подготовки в области психологии, чтобы они могли справедливо относиться к психологии преступника.

Поэтому вы должны дать научное управление этим учреждениям, и тогда вы сделаете гуманным даже лечение тех тяжких и опасных преступников, состояние которых не может быть удовлетворено простой компенсацией вреда, нанесенного ими другим".

Такова функция репрессий в нашем понимании, неизбежный результат позитивных данных о естественном происхождении преступности.

Другими словами, мы считаем, что в будущем репрессии будут играть лишь незначительную роль. Мы полагаем, что каждая отрасль законодательства станет предпочитать средства социальной гигиены симптоматическим средствам и применять их изо дня в день. Таким образом, мы приходим к теории предупреждения преступности. Некоторые говорят: "Лучше подавлять, чем предотвращать". Другие говорят: "Лучше предупреждать, чем репрессировать". Для того чтобы разрешить этот конфликт, мы должны помнить, что существует два совершенно разных вида репрессий. Есть непосредственная, прямая эмпирическая репрессия, которая не расследует причину преступности, а ждет, когда преступление будет совершено. Это полицейская профилактика. С другой стороны, существует социальная профилактика, которая имеет косвенную и более отдаленную функцию, которая не ждет, пока преступление будет совершено, а выявляет причины преступности в бедности, брошенных детях, трампизме и т. д., и пытается предотвратить эти условия дистанционными и косвенными средствами. В Италии профилактика анонимна по отношению к аресту. То есть под репрессиями понимаются только полицейские репрессии. В этих условиях вполне можно считать само собой разумеющимся, что некоторые из ожидаемых преступлений будут совершены, поскольку преступления не совершаются в определенные периоды времени после предварительного информирования полиции. Ущерб от преступности, особенно от политической и социальной преступности, против которой особенно направлены полицейские репрессии, будет меньше, чем от злоупотреблений, неразрывно связанных с полицейской властью. В случае атавистической преступности профилактика означает не надевание наручников на человека, который собирается совершить преступление, а разработку таких экономических и воспитательных мер в семье и администрации, которые устранят причины преступности или ослабят их, именно потому, что наказание менее эффективно, чем профилактика.

Другими словами, чтобы предотвратить преступление, мы должны прибегнуть к мерам, которые я назвал "заменителями наказания", и которые предотвращают развитие преступности, потому что они идут к источнику, чтобы избавиться от последствий.

Бентам рассказывает, что почтовая служба в Англии в XVIII веке находилась в руках машинистов сцены, но эта служба не была связана с перевозкой пассажиров, как это стало принято позже. И тогда было невозможно добиться от извозчиков своевременного прибытия, потому что они слишком часто останавливались в трактирах. Налагались штрафы, прибегали к тюремному заключению, но водители все равно приезжали с опозданием. Наказания не приносили никаких результатов, а причины оставались. Тогда была придумана идея перевозить пассажиров на почтовых станциях, и это позволило водителям перестать

опаздывать, потому что всякий раз, когда они делали остановку, пассажиры, заинтересованные в том, чтобы прибыть вовремя, звали водителей и не давали им много времени на задержку. Это иллюстрация замены наказания.

Еще одна иллюстрация. В Средние века, вплоть до начала нашей современной цивилизации, пиратство было в моде. Разве есть что-то, что не пытались пресечь? Пиратов преследовали, как диких зверей. Всякий раз, когда их ловили, они приговаривались к самым страшным видам смерти. И все же пиратство продолжалось. Затем появилось паровое судоходство, и пиратство исчезло как по волшебству. А грабежи и разбой? Они выдерживали смертную казнь и необыкновенные рейды солдат. И сегодня мы наблюдаем зрелище не очень серьезного поединка между полицией, которая хочет поймать разбойника Мусолино, и разбойником, который не хочет быть пойманным.

Там, где леса не пересекают железные дороги или трамвайные пути, разбойники занимаются своим преступным промыслом. Но там, где есть железные дороги и трамваи, разбойничество - это форма преступления, которая исчезает. Вы можете настаивать на смертной казни и тюремном заключении, но нападения и грабежи будут продолжаться, потому что это связано с географическими условиями. Используйте же инструмент цивилизации, не вынося никому приговоров, и разбой и грабежи исчезнут перед его светом. А если в крупных промышленных центрах люди сбиваются в трущобы и гостиницы, как гуманный судья может ужесточить наказание за сексуальные преступления? Как может развиться в людях чувство стыда, когда молодые и старые люди обоих полов теснятся в одной постели, в одной и той же развращенной и растлевающей среде, которая лишает человеческую душу всякой благородной искры?

Я мог бы зайти довольно далеко, если бы продолжил эти иллюстрации социальной гигиены, которая станет истинным решением проблемы и высшим систематическим, ежедневным гуманным и бескровным средством против болезни преступности. Однако у нас нет простой веры в то, что в ближайшем или отдаленном будущем человечества преступления могут быть когда-либо полностью искоренены. Даже социализм, рассчитывающий на коренное преобразование будущего общества на основе братства и социальной справедливости, не может возвыситься до абсолютной и наивной веры в то, что преступность, безумие и самоубийство могут когда-либо полностью исчезнуть с лица земли. Но мы твердо убеждены, что эндемические формы преступности, безумия и самоубийств исчезнут, и от них не останется ничего, кроме редких спорадических форм, вызванных поражением, теллурическими и другими воздействиями.

С тех пор как мы сделали великое открытие, что малярия, от которой страдают многие районы Италии, зависит от определенного комара, мы получили контроль над малярийной терапией и можем эффективно защищать людей и семьи от малярии. Но помимо этой функции защиты людей, должна существовать и социальная профилактика, а поскольку эти малярийные насекомые могут жить только в болотистых районах, необходимо принести на эти невостребованные земли благословение мотыги и плуга, чтобы устранить причину и избавиться от последствий. Та же проблема стоит перед нами в криминологии. В обществе будущего мы займемся этой работой по социальной гигиене и тем самым устраним эпидемические формы преступности. И тогда девять десятых преступлений исчезнут, и от них не останется ничего, кроме исключительных случаев. Останутся, например, такие случаи, как случай с каменщиком, о котором я упоминал, потому что несчастные случаи могут быть всегда, независимо от формы социальной организации, и нервные расстройства могут таким образом проявляться у некоторых людей. Но вы видите, что это будут исключительные случаи преступности, которые будут легко излечимы под руководством

науки, которая будет верховным и благодетельным управляющим институтов для сегрегации тех, кто будет непригоден к социальному общению. Таким образом, проблема преступности будет решена, насколько это возможно, потому что постепенное преобразование общества устранит болота, в которых миазмы преступности могут формироваться и размножаться.

Если мы хотим применить эти нормы к примеру, который сегодня привлекает внимание всей Италии к этому благородному городу, если мы хотим перенести наши теории в практику современной жизни, если наука должна ответить на зов жизни, давайте бросим взгляд на ту форму эндемической преступности, известную в этом городе как Каморра, которая укоренилась здесь так же, как поножовщина в некоторых центрах Турина, а мафия - в некоторых центрах Сицилии. Прежде всего, мы не должны быть слепы к фактам и отказываться видеть, что граждане будут защищать себя сами, если этого не сделает социальная справедливость. А от этого до преступности всего один шаг. Но что же является той болотистой почвой, на которой эта социальная болезнь может распространиться и закрепиться, как проказа в коллективном организме? Это экономическая бедность масс, которая влечет за собой интеллектуальную и моральную нищету.

В последнее время у вас в Неаполе была очень удачная борьба, в которой, кажется, победил один из представителей высшей каморры. Но можно ли верить, что смелая работа нескольких общественных писателей затронула корни Каморры в этом городе? Было бы самообманом так думать. Ведь мы видим, что растения вновь расцветают даже после того, как над ними пронесся самый разрушительный ураган.

Исцеление общества не так просто, чтобы коллективная чума была излечена мужественными действиями одного или нескольких человек. Этот процесс гораздо медленнее и сложнее. Тем не менее эти эпизоды - вехи победы в поступательном движении цивилизации, которая парализует исторические проявления социальной преступности. Итак, перед нами город, в котором около ста тысяч человек встают каждое утро и не знают, как заработать на жизнь, не имеют определенного занятия, потому что промышленное развитие недостаточно, чтобы достичь того методичного применения труда, которое вывело человечество из доисторических лесов. Воистину, человеческая раса прогрессирует благодаря двум возвышающим энергиям: Война и труд.

В первобытном и дикарском обществе, когда человеческая личность не знала контроля социальной дисциплины, военная дисциплина удерживала членов племени вместе. Но война, хотя и была полезна в первобытном обществе, все больше и больше теряет свою полезность, потому что несет в себе раковую опухоль, которая парализует его.

Хотя война заставляет коллективные группы подчиняться координирующей дисциплине человеческой деятельности, она также снижает уважение к человеческой жизни. Солдат, который одним взмахом меча убивает своего товарища из соседнего народа, легко потеряет уважение к жизни членов своей собственной социальной группы. Затем вмешивается вторая образовательная энергия, энергия труда, которая дает о себе знать в решающий момент доисторического развития, когда человеческий род переходит от пастушеской, охотничьей и кочевой жизни к земледелию и оседлости. Это исторический этап, на котором коллективная собственность на землю и орудия производства сменяется общинной, семейной и, наконец, индивидуальной собственностью. На этих этапах человечество переходит от индивидуального и изолированного труда к коллективному, ассоциированному, скоординированному. Останки эпохи неолита показывают нам развитие первых мастерских, в которых наши предки собирали и изготавливали свои примитивные орудия труда и оружие. Они дают нам представление об ассоциированном и совместном труде, который

впоследствии становится великой возвышающей энергией, поскольку, в отличие от войны, не несет в себе пренебрежения или нарушения прав других людей. Труд - единственная вечная энергия человечества, которая ведет к социальному совершенству. Но если в таком городе, как Неаполь, 100 000 человек не имеют уверенности и дисциплины, которые дает занятие методичным и обычным трудом, то не приходится удивляться, что неопределенность повседневной жизни, недокормленный желудок и анемичный мозг приводят к атрофии всех нравственных чувств, и что злое растение каморры распространяется на все. Процессы в судах могут привлечь мимолетное внимание общественного мнения, законодательства, правительства к болезни, от которой страдает эта часть общественного организма, но одно лишь подавление не даст ничего прочного.

Учение науки ясно говорит нам, что в случае эндемической преступности социальные средства должны быть применены к социальному злу. Если социальные реформы не будут сопровождать развитие и защиту труда, если не будет обеспечена справедливость по отношению к каждому члену коллектива, то мужество того или иного гражданина будет потрачено напрасно, и злое растение будет продолжать процветать в джунглях.

Подчиняясь виртуозной и непреклонной логике фактов, мы приходим к принятию научного метода в криминологических исследованиях и приходим к выводу, что такое простое и единообразное средство, как наказание, не в состоянии излечить такое естественное и социальное явление, как преступность, имеющую свои естественные и социальные причины. Меры по защите общества от преступности должны быть многообразны, сложны и разнообразны и должны быть результатом настойчивой и систематической работы законодателей и граждан на прочном фундаменте систематического коллективного хозяйства.

Позвольте мне оставить вас с этим практическим заключением и дать моему сердцу свободу послать в мой мозг волну горячей крови, которая выразит мою бесконечную благодарность за прием, оказанный мне вами. Старый по годам, но молодой по духу и энергичному стремлению ко всем высоким идеалам, я приношу вам свою искреннюю благодарность. Как человек и гражданин, я благодарю вас, потому что эти три лекции стали для меня источником молодости, веры, энтузиазма. Благодаря им я возвращаюсь к другим сферам моей повседневной деятельности с большей верой в будущее моей страны и всего человечества. Вам, молодая Италия, я адресую эти слова благодарности, рад и польщен, если мои слова пробудили в вашей душе хоть один вздох, который сделает вас сильнее и увереннее в будущем цивилизации и социальной справедливости.